

ДОЛГАЯ ЗИМА

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Старояшикине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта. Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» и м. Валериана Правдухина, региональной литературной премии и м. П.И. Рычкова, Всероссийской премии и м. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в Оренбурге.

1

Дарья Григорьевна откинула запорный крючок двери и вышла во двор. В холодном светлеющем небе доглевали последние звёзды. Улицей, негромко переговариваясь, прошли к ферме доярки. Лениво забрежали на них набежавшие соседские собаки. На пустыре за проулком, ведущим к водонапорной башне, прогревая к запуску остывший за длинную декабрьскую ночь дизель, застрекотал тракторный пускач.

Прислушиваясь к привычным звукам пробудившейся, дымящей печными трубами деревни, Дарья Григорьевна дождалась, пока посветлеет, по зимнему, надёжно лёгшему снегу захрустела подшитыми валенками к сараям. Почистила навоз в загородке под навесом, перетрясла подстилочную солому, добавила свежей. Оставшийся в коровьей кормушке корм перекинула через

низкий заборчик в маленький, под открытым небом, закуток для овец, взамен принесла увесистый навильник лугового сена, сверху люцерну бросила.

— Не одобряю, — сказала она корове, выпущенной из тёплого хлева, с ходу зарывшейся в сено до низа кормушки. — Луговое, конечно, мягче и вкуснее люцернового. Только маловато его. Не смогла без хозяина вволю заготовить. Зять накопил немного по речке, да у соседей стожок на топлёное масло выменяла — вот и всё... Так что, Зорька, не обижайся и люцерновым сеном не брезгуй. С него и надо бы тебе свой завтрак начать, а луговое напоследок, на сладкое оставить.

Дарья Григорьевна и прежде разговаривала с животными. Теперь же привычка переросла в необходимость. Оставшись без мужа, она находила в этом тихую отраду и успокоение. Выпустила и овечек. В отличие от коровы они, по природе своей боязливые ко всему, стеснились на выходе, напугали друг дружку и ринулись в закуток, в узких дверях застопорились. Зазевавшийся ягнёнок бросился следом, наткнулся на них, попробовал проскочить в пролом заборчика и застрял.

— Куда, бестолковенький? — вытащила, на руки взяла его Дарья Григорьевна, поцеловала в симпатичную мордашку, чёрными кудряшками поиграла. — Ишь, какие кручёные, чисто кудри Васи моего. Неслучайно

Кудряшом кликали, царствие ему небесное... Беги, чего уж...

Ягнёнок радостно подбежал к матери, заблеявшей, заволновавшейся уже за него, подлез к соскам подкормиться, от удовольствия задёргался весь, хвостиком куцым заиграл. Насосавшись, стал прогуливаться по закутку, прытко скакнул раз-другой, наскочил нечаянно на круторогого барана, ответно боднувшего чувствительно.

— Я тебе! — крикнула Дарья Григорьевна, любовавшаяся развеселившимся ягнёнком. — За чем маленького обижаешь?

Овцы перестали щипать листики люцерны, устали на хозяйку. Зорька тоже оглянулась на окрик, продолжая при этом тщательно и аппетитно пережёвывать сено. Даже куры кончили рыться в навозной куче.

— Ишь, хулиган какой! Правильно решила, оказывается, первым тебя под нож пустить. Заслужил!

Дарья Григорьевна готовилась к годовым поминам мужа.

— Водку и колбасу дочка с зятем привезут из города, — рассуждала она. — Остальное есть. Осталось барашка лишь на мясо пустить. Хватит ли?

По её подсчётам получалось, что должно хватить. Но в то же время опасалась она: возможно, на этот раз людей больше придёт, чем на полгода, когда многие на сенокосе были.

— Одним барашком, пожалуй, не обойтись, — решила всё

же подстраховаться она. — Овцу ещё яловую придётся резать.

Выкатившееся солнце и полное безветрие обещали погожий день.

— Не буду откладывать. Всего ничего осталось... Кого бы попросить резать?

Обычно с этой просьбой многие обращались к соседу, зятю племяннику, несмотря на свою молодость, до тонкостей освоившему процесс закалывания, резания и обработки любой живности. Сходила понапрасну: тот, оказывается, в последние дни с утра до позднего вечера пропадает в колхозных мастерских, трактором занимается.

— Дойду до свата, — определилась Дарья Григорьевна. — Кроме него, некому. На работе все.

Она вышла на улицу, встретила с прихрамывающим сильно, заметно сдавшим к зиме, но для своих восьмидесяти лет довольно ещё бодрим Фролом.

— А я до тебя, Даша, — сказал он, развернул свёрток. — Не прострочишь наволочку? Распоролась вся, понимаешь. А новую не вижу смысла доставать из сундука. Ещё и эта хоть куда... Подшить только малость. Сделаешь?

— Отчего же не сделать. Нехитрое дело, минутное. Пойдёмте.

— Собралась куда?

— К свату.

— А он в район на рейсовом автобусе уехал... В больницу. Глаза поправить хочет.

— Жалко... Овечек надумала вот резать. В самый раз погодка. Ну да ладно. На завтра оставляю. Не завьюжит, поди.

Они зашли в избу. Дарья Григорьевна придвинула ближе к тёплой, недавно протопленной печке табуретку:

— Садитесь, дядя Фрол. Сейчас я, быстренько...

— Да что мне сидеть-то без толку. Дай-ка, Даша, нож да брусочек наждачный. Справимся, чай, вдвоём с барашком.

— Не тяжело будет ноге?

— Ничего... Что ей сделается?

Пока Дарья Григорьевна возилась со швейной машинкой, Фрол наточил приглянувшийся нож, в валенок сунул:

— Ну, я готов.

Вдвоём вытащили они из потревоженного закутка упирающегося годовалого барана, завалили на чистый снег. Дарья Григорьевна, придерживая за рожки баранью голову, отвернулась, чтобы не видеть, как Фрол острым лезвием полоснёт по горлу. Жалко ей барана, на её глазах вырос... А Фролу хоть бы что. Спокойно выпустил кровь, не поморщился даже. С помощью Дарьи Григорьевны подвесил он барана на торчащую железную трубу навеса, свежевать начал. Нечаянно продырявил шкурку при снятии, огорчился сильно:

— Подпортил всё же, недотёпа! Не те руки стали. Эх, не те...

— Не переживайте, — успокоила его Дарья Григорьевна. — Незаметный почти порез.

— Берут годы своё-то...

— Вам, дядя Фрол, позавидовать можно. Я в дочки вам го- жусь, а скриплю уже вовсю. То давление шибанёт, то ещё что... А Вася мой так совсем... До пен- сии годочка не дотянул. Куда годится?

— Да, рано слишком он ушёл...

За разговорами потихонечку и с делом справились. обрабо- танное мясо в сенцы занесли. Шкурку Дарья Григорьевна не знала, куда деть, Фролу предло- жила:

— Не возьмёте себе?

— На кой она мне? Свату сво- ему отнеси. Он умеет их выде- лывать, — отказался Фрол, под- ставил руки под струйку воды, нагретой электрокипятильником в большом ведре, вытерся чи- стым вафельным полотенцем. — Схожу в медпункт на прогрев. Не припозднюсь если, овечку тоже сегодня же обработаем.

— Не к спеху овечка. Успеет- ся. А до медпункта давайте пере- кусим. Сейчас мясца свеженько- го быстренько нажарю.

— Не беспокойся за меня, Даша. Дома навалом еды. Гото- вил утром. Не пропадать же до- бру?

Дарья Григорьевна отдала ему простроченную наволочку, до калитки проводила:

— Спасибо, дядя Фрол.

— Ладно, чего там... Друг дружке помогать надо. Иначе как же?

— Правильно говорите, — со- гласилась она.

Не передохнув, мясом за- нялась. Увязала куски толстой алюминиевой проволокой, разве-сила в холодных сенцах, чтобы кошки не достали.

К тому времени солнце поло- вину своего дневного пути одо- лело.

«Пообедать пора бы», — подумала Дарья Григорьевна, но есть ей не хотелось, решила ещё не- много повозиться на свежем воз- духе, аппетит нагнать. Натаскала воды из уличной колонки, напо-ила скотину. Огляделась. Взгляд её упал на припорошённую сне- гом горку топочного угля.

— Перенесу-ка его ближе к са- раям, чтобы вид двора не портил, — нашла она себе новое занятие, обрадовалась: в работе незамет-но проходило время и меньше думалось об одиночестве.

Стала возить уголь на санках в непригодных для воды проху- дившихся вёдрах. Быстро вы-дохлась.

«Чего это я?» — удивилась она, насыпала совковой лопатой очередные четыре ведра угля, с трудом сдвинула неожиданно потяжелевшие донельзя санки. Потемнело в глазах. Стало исче- зать солнце.

«Затмение, что ли? Но ведь куры гуляют себе и, как в про- шлый раз, когда солнце закры-лось, не бегут в сарай, посчитав, что ночь внезапно наступила», — успела подумать она, прежде чем

потерять сознание, и медленно повалилась на потемневший от угольной пыли снег.

2

Не шибко морозный, украшенный порхающими снежинками вечер был настолько хорош, что Виктор Ярцев на две остановки раньше вышел из автобуса, чтобы пройтись, отойти немного от своей заводской беспоконной работы.

Как бы удачно ни складывался рабочий день, обязательно находилась пресловутая ложечка дёгтя, портящая бочку мёда. Вот и сегодня уже в конце смены маневровый тепловоз столкнулся с другим, подготовленным к отправке заказчику после заводского ремонта. В итоге — сход маневрового с рельсов, серьёзные повреждения на отремонтированном, срывы манёвров... И всё это за считанные недели до конца года, когда каждый день на счету. Пусть с недавних пор и не возглавляет он тепловозное производство — поменялся креслами с коллегой по изготовлению запасных частей, — всё же обидно за такое...

Неспешно шагал он мимо броских витрин и вывесок закончивших продажу магазинов, мимо церкви, приятно неожиданной среди новеньких девяти- и шестнадцатизэтажных домов, на самой престижной улице, отдалённой от промышленных районов города.

Далековато было ездить на работу, но он не жалел об этом и отказался от предложенного начальством выгодного, с расширением площади, обмена квартиры на другую, в заводском городке. Дальняя дорога сполна компенсировалась близостью к природе. Из окон его квартиры хорошо просматривалась пойма Урала. Сейчас она белела снегами. Весной же наполнялась буйной водой пробуждённой от зимней спячки реки, вплотную подступающей в половодье к городу. Долго плескалось пойменное море, привычным становилось для глаз, и жаль было расставаться с ним, когда отбуянившая река постепенно возвращалась в своё русло, оставляя на память о себе в углублениях небольшие озёрца, не высыхающие даже жарким летом.

Припозднился сегодня Ярцев. Старый Устиныч, обычно допоздна прогуливающийся у подъезда, успел уже укатить на лифте на свой последний, девятый этаж, как говаривал он, ближе к Богу.

Прогулка по бодрящему морозцу и выработанная с годами привычка при входе в свою квартиру оставлять за порогом все производственные неурядицы сделали доброе дело. Он радостно вошёл, быстренько переоделся, послушал сына, студента музыкального училища, разучивающего на баяне «Полёт шмеля», прошёл на кухню, чмокнул в шею колдующую у газовой

плиты жену, погладил её чуть округлившийся живот:

— Как наш себя чувствует?

— Холоднющий какой! Застудишь, — отстранилась она от мужа, стала накрывать на стол.

— Закалочка не помешает ему, мамусенька, — сказал он, сделав ударение на третьем слове. — В консультацию ходила?

— Была. Со дня на день профессора отличного ждут, хотят показать меня. Страхуются. Наверное, не всё ладно со мной?

— Не волнуйся. Всё наилучшим образом сложится, — обнял он жену. — Подаришь мне скоро второго Викторovichа, продолжателя славного рода Ярцевых.

Хорошее настроение мужа перedalось и Валентине:

— А вот возьму и девочкой награжу. Мне же помощница нужна. Не возражаешь?

— Нет, конечно, но лучше бы...

Он не договорил. Резко зазвонили в дверь.

— Ты ешь, — поднялась Валентина. — Пойду открою. Это соседка, наверное. Обещалась зайти поболтать.

Вернулась она заплаканная.

— Что случилось? — встревожился он.

— С мамой плохо, — она протянула ему телеграмму. — Не успели отца схоронить, как новая напасть.

«Срочно выезжайте. Мать в тяжёлом состоянии. Маришкины», — прочитал он, стал утирать ладошкой слёзы жены.

— Успокойся. Тебе же нельзя волноваться. Может, ничего страшного. Я поеду, разберусь.

Он глянул на часы:

— Пожалуй, успею на восемьдесят пятый. Собери мне сумку.

— Я тоже еду.

— Нет, — твёрдо сказал Виктор. — Тебе к профессору на днях. Это же очень важно... Думаю, и с матерью всё обойдётся. В случае чего немедленно вызову. Годится?

Он созвонился со своим начальником и скоро трясся уже в плацкартном вагоне ночного поезда, чтобы через пять часов сойти с него на пробуждающейся станции и первым маршрутным автобусом отправиться до тещи.

3

Супруги Ярцевы были родом из одной деревни — Ромашкино. Даже жили неподалёку. Однако до своей шестнадцатой весны Виктор как-то не знал с Валентиной, хотя с её подругами общался с детских лет.

Валя, единственная дочь в семье, росла под строгим приглядом матери. Очень к тому же ещё робкая, она больше находилась дома, редко с девчонками ходила, не говоря уже о дружбе с мальчишками. Но к четырнадцати годам неожиданно так расцвела, что на Пасху, увидев её в кругу подружек, бойкий Витя Ярцев оробел перед кареглазой кудрявой красавицей, влюбился в неё, как говорится, с первого

взгляда и навсегда. К счастью, он тоже глянулся Вале. Вскоре она позволила ему проводить её после вечернего сеанса от клуба домой, до калитки, которую сейчас, двадцать с лишним лет спустя, открыл он, приехав по срочной телеграмме.

На двери тётчиной избы висел замок. Виктор прошёлся по двору, почти угадал, что между санками с углём и телеграммой самая прямая связь:

— Не смогла дотянуть, не успела...

По дороге к отбившим телеграмму Маришкиным он завернул к отцу — проведать его и гостинцы отдать, наскоро приготовленные женой.

— А-а, сынок, — обрадовался отец, что-то готовивший себе на завтрак, поспешно вытер руки, к сыну от стола шагнул. Обнялись. — Приехал, значит.

— Приехал, батя. Как сам-то?

— Живу потихоньку. Куда мне теперь торопиться? Всё ничего бы, и на здоровье пока не жалуюсь, глазами только вот мучиться стал. В район к врачу ездил провериться. Сказал, хирургическое вмешательство требуется, к вам в областную больницу рекомендует. Как при советуешь?

— А почему бы и не поехать. Больница славится глазным отделением, и рядышком она с нами. У меня или у Тоньки останешься, как пожелаешь. Бери направление, вместе и поедем.

— А ты надолго в деревню?

— Точно не знаю. По телеграмме я приехал. Что с тётшей?

— Разве случилось что? Не слышал. Проездив вчера, наломался в дороге, с вечера спать завалился. Намедни же виделась с нею в магазине, хлеб покупали. Перебросились словами. Ни на что не жаловалась она... Да ты раздевайся, сынок. Сейчас пельмени сварю и позавтракаем. Правда, они больше на пироги похожи, зато возни с ними меньше. Пяток штук слепил и сът, на чаёк лишь нажимаю... Жаль, новый генеральный секретарь с дочкой прижал, а то и стопочку пропустить можно бы. Не привёз случаем?

— Привёз, батя, — сказал Виктор, погрустнел. Жалко стало отца. Ненормально это — при нормальных детях одному на старости жить. Хотя он сам того пожелал...

...Рано выпорхнувшие из родительского тесного гнезда, врасыпную разлетелись по стране две дочери и четверо сыновей. После смерти матери, только-только успевшей младшенькую самую на крыло поднять, они звали отца к себе на постоянное жительство.

Отказался отец:

— Не поеду пока. Не хочу дом выхолаживать. Ещё сам ничего, чтобы вас стеснять. Да и Паша рядышком через дорогу, в случае чего...

Павел, предпоследний из братьев, помотавшись по белому свету, лучше своей неброской

степной сторонки не нашёл, окончательно к деревне прибился. Женился, построился, детьми обзавёлся.

Недолго вдовствовал отец, новую хозяйку, лет на пятнадцать моложе себя, в дом привёл.

«Знать, давненько у них любовь была. Не понапрасну при живой матери ещё местные сплетницы о том языками чесали», — обиделся тогда Виктор, не сумевший убедить отца повременить с этим делом до годовых помин матери. Оттого нестерпимо чужим ему стал дом, в котором родился и вырос, в который всегда стремился, особенно в трудные дни свои.

Болезненно восприняли неожиданную женитьбу отца и остальные дети, приезжать перестали, скупыми письмами ограничиваясь, больше поздравительными телеграммами и открытками. Один Паша по пьяни не выдерживал, заявлялся к отцу откровенно за всех высказаться.

Дошло ли до родителя, или на то была иная причина, но разошёлся он с новой женой и на зиму в Ташкент к Сергею поехал погреться. Приветливо его там встретили, отдельную комнату выделили, остаться уговорили. Непривычный к праздной жизни, маяться он начал от безделья, и Сергей, вняв отцовской просьбе, устроил его вахтёром на проходную завода, где сам работал. Потом, чтобы не скучал, с братьями и сёстрами созвонившись-посоветовавшись, женил

его на своей крёстной, отцовской ровеснице, тоже ромашкинской, давно и вынужденно съехавшей оттуда в Ташкент, теперь одиноко коротающей дни свои остатние в приземистом домике в глубине фруктового сада, с двух сторон омываемого арыками.

Неплохо жилось отцу. Есть кому присмотреть за ним, сын рядом, квартирант шофёр-автобусник приветливый подобрался, свежим и холодным пивом в сорокаградусную жару его угощал каждодневно. Чего же ещё? Но и года не прошло, как потянуло его домой. Родимые корни дали о себе знать. Не вырвать, видно, не выкорчевать их, полных возвратной силы. Собрался он быстренько, не расторгнув брака, уехал. Вышло так, что просто-напросто сбежал он от женщины, согласной продать всё нажитое и за ним отправиться в Ромашкино, хотя по родственной линии у неё там никого в живых не осталось. О том и написала ему. Но не захотел он, отказал ответным письмом, потому что вновь с прежней, более молодой, сошёлся. Правда, на сей раз без сельсоветского документа, поскольку, к великому огорчению деревенской, городская характер проявила: оскорблённая поступком сбежавшего мужа, наотрез в разводе отказала ему.

Дети, привыкшие к причудам отца, не стали вмешиваться. Даже Павел махнул рукой: «Пуцай живут, раз друг без дружки не могут...» Сергей только

сильно на отца обиделся за свою крёстную, но и он со временем тоже смирился. Наведываться постепенно стали они в деревню, по дому помогать: отец всё же.

При гостях новоявленная хозяйка старалась быть незаметной, больше во дворе и огороде возилась, предоставляя им самим распорядиться в родном доме. Зато, проводив гостей, на их отце отыгрывалась, обвиняя его в наплевательском отношении к ней, к постоялке равно, которую можно запросто в неприглядном свете перед своими детьми выставить...

В недоумении пожимал он плечами, не принимая и не понимая её нападок, тем самым ещё пуще распаяя её, и, чтобы скорее прекратить истерику, просил прощения, не зная за что, обещая впредь быть внимательнее к ней. Во всём он старался ей угождать. За короткое время новую деревянную баньку срубил, начинающие обваливаться стены погреба зацементировал, творило заменил, огород расширил, ветлы выкорчевав, сажал и поливал овощи, чего раньше никогда не делал, чем вывел из себя Павла.

— Смотри-ка, чисто молодой петух забегал, — возмущался тот по пьяной лавочке. — При матери в огород не заглядывал, книжки толстые лишь почитывал. Для новой же бабы на всё готов. Для её детей на водку втридорога раскошелливается, а родным внучатам копеечных конфет не купит. Эх, багя ты, багя...

По-хмельному сказано было, но справедливо. Устыдился отец, со следующей пенсии с бутылкой водки и кульком недорогих конфет через дорогу перешёл. С тех пор правилом для него стало появляться у сына с гостинцами, и не только с пенсии. Само собою, новоявленных деток ущемил.

Прознала о том его нерасписанная половина, очередную взбучку устроила, но не уступил он ей на сей раз.

— Не вбивай клинья... Не потерплю! — твёрдо сказал он.

Поразмыслила она, набросила верёвочную петлю на рога коровы и увела её с ярцевского двора к себе. Следом все свои тряпки забрала, не забыв и чужое, приличное, прихватить.

— Выписывай ташкентскую бабку и командуй ею, — злобно бросила она ему на прощание. — А с меня довольно!

Перебралась в свою избу никудышную. Задерживаться ей в более обустроенной смысла не было. Он не собирался расторгать брак, без чего, естественно, не могла она рассчитывать на дом после смерти хозяина.

«Недолго, поди, протянет, слабость стал», — думала она, радуясь тому, что кое в чём преуспела. За несколько лет совместной жизни большую часть его пенсии и деньги, вырученные от продажи молочных излишков, смогла на свою сберкнижку положить...

— Да, крепко обчистила она отца, — вспоминал о ней Виктор,

оглядывая избу. — Даже шторы с окон забрала. Придётся размеры снять и новые привезти.

Он выложил на стол привезённые гостинцы, сказал:

— Повремени, батя, с пельменями. Маришкины телеграмму дали. Быстренько схожу к ним, про тещу узнаю...

После жарко натопленной избы лёгкий морозец приятно охладил Виктора. Безлюдной после утренних извечных деревенских хлопот улицей он зашагал к яковлевскому мосту, который знал ещё ветхим. Тяжёлый нефтяницкий тягач его проломил. Помнится ему, двумя гусеничными тракторами еле-еле вытащили эту громоздкую машину, окончательно порушив прогнивший бревенчатый настил. Поневоле пришлось новый мост ставить. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Сколько лет ещё скрипел бы этот ставший опасным мост, пугая шофёров?

Виктор, как сегодня это было, видит мужиков, ударной «бабой» — толстенной деревянной болванкой с рукоятками — забивающих похожие на огромные карандаши дубовые сваи, предварительно ошкуренные и заострённые. Другие, более мастеровитые, готовят перекрытие, на которое дощатый настил положат. Из-под топоров так и отлетают во все стороны щепки. Их споро расхватывает ребятня для растопки кизяков. Всем достаётся понемногу. Заезвался лишь

Федька Ильичёв, живущий в низенькой избе, притулившейся к первому от моста добротному дому зажиточных Яковлевых.

— Отдайте! — с визгом и плачем кидается Федька на счастливых. — Мои щепки! Я ближе всех к мосту живу...

Улыбнулся Виктор воспоминаниям. Недавно вроде всё это было, а сколько воды проструила с тех пор бойкая речушка под мостом, теперь уже из-за необходимости переделанным младшим Яковлевым в аккуратный переходной мосток, чтобы случайно свернувшие даже с грейдера машины по нему не ездили, его стариков не беспокоили. А как высоко поднялись тополя за мостом! На семь лет они моложе Виктора: осенью их сажали, когда он в школу впервые пошёл. Постоять бы, прижавшись к тополиной шершавой коре, душой оттаять. Да недосуг сейчас. И так всегда, то одно, то другое. За всем не успеть. Немудрёное тещино хозяйство, а хлопот хватает. При живом тесте куда легче было. Болел он, но подсоблял всё же и делом, и советом.

В это лето разом почувствовалось его отсутствие. За весь отпуск даже на рыбалку с ночёвкой не вырвался. Земля огородная внимания к себе большого требует и постоянного, наскоком не получается. Не дай Бог с тещей серьёзному случиться. Во все невпродых будет...

Маришкины только что вернулись с колхозной фермы, где

оба работали, она дояркой, он скотником-пастухом, собирались завтракать.

— Как раз к столу, — захлопотала говорливая тёщица сестра Татьяна, смахнула с табуретки невидимую пыль полотенцем. — Раздевайся, гость дорогой, удобнее усаживайся. Курочку сейчас поджарю. Стёпа, выпивку доставай.

— С тещей что? — нетерпеливо спросил Виктор.

— Паралич, похоже, вдарил, — сказал Степан, откупоривая бутылку. — Давление у неё аж за двести пятьдесят...

— Овечек она решила резать, — перебила его хозяйка, всё по порядку выложила, не давая мужу вмешаться. — С одной с дедом Фролом они до обеда справились, а вторую не смогли вот. Пока Фрол в медпункт доковылял да обратно, порядочно времени прошло. Пришёл когда он, не докликался Дашу. Хорошо, увидел. Оказывается, до его прихода сестра уголь взялась таскать. Тут-то её и сразило. С давлением высоким работала, ну и перенапряглась. Замёрзла бы, не заметь её Фрол. Морозы-то сильные уже пошли. Ну, Фрол, молодец, тотчас шум поднял, до нас быстро дошло. Сразу и побежали. Спасибо, сношенька наша как раз из медпункта шла. Уколы сделала и всё остальное, что в таких случаях положено. Знает всё же! Быстренько машину муженёк завёл, в районную больницу её повезли. Определили, слава Богу...

— Что врачи сказали? — не выдержал, прервал её Виктор. — Как она?

— Вначале сношеньку похвалили за первую помощь. Правильно сделала, мол, иначе не довели бы. Удивлялись ещё большому давлению... Теперь самое страшное позади. Но состояние, сказали, тяжёлое. При нас она так и не пришла в сознание. Бредила всё, Зорьку, корову свою, вспоминала...

— Не знал, что в больнице она. Мимо ведь ехал...

— Мы сами не думали, что положат её, — вклинился наконец-то Степан. — Я и везти не хотел. Сноха настояла. Потому такую неясную телеграмму и дали. В спешке к тому же получилось. Почту уже закрыли. Догнали заведующую, еле уговорили с полдороги вернуться...

— Да ты не волнуйся, Вить, — опять перебила мужа чересчур говорливая Татьяна. — Договорилась я там, в больнице, с одной молодухой по уходу за сестрой. А как же? Самой ведь некогда. И коров колхозных не бросишь, и своё хозяйство не отпускает... Да ты выпей, Вить. С дороги полегчает, нервы успокоит. Свояская самогоночка, чистая...

— Спасибо, но с этим делом успеется, — Виктор осторожно отодвинул к середине стола до краёв наполненный сизоватым зельем гранёный стакан. — В другой раз навестаю. Сейчас мне к теще ехать надо. Узнать всё точнее, Валентине сообщить. Она,

бедная, мучается, места себе не находит.

— Тебе виднее, — не смогла скрыть обиду хозяйка. — За встречу с нами и выздоровление тёщи надо бы немного. Не за руль же тебе садиться, и нюхать тебя в больнице никто не будет... Ну да ладно. Настаивать не стану, поешь хоть с дороги.

— Опять прощения прошу за отказ, — виновато улыбнулся Виктор. — Аппетита не хочу перебивать вашей вкуснятиной. Отцу обещал я его фирменные пельмени попробовать. Не обижать же старика! Потом скотину гляну — и в дорогу. Ключи от избы тёщиной у вас?

— У меня, — сказал Степан, заедая самогонку куриной ножкой. — После завтрака собирался пойти протопить голландку и со скотиной управиться. Дойду, пожалуй, раз спешешь?

— Договорились.

— Как добираться будешь? — забеспокоилась Татьяна. Колхозные, что на ходу, разъехались все с утра. Наша машина, как назло, сломалась...

— Мотор застучал, — уточнил Степан. — Разбирать придётся. И глушителю каюк. Как танк, гремела всю обратную дорогу из больницы. Говорят, в городе у вас есть такие глушаки. Посмотришь?

— О чём разговор.

— Да погоди ты со своим глушаком. Тут серьёзное дело, а он с железками лезет. Генка Марьин к обеду собирался в район

на своей легковушке. С ним бы до больницы в самый раз. Правда, из-за вторичной размолвки твоего отца с его матерью и закарнизничать может. Но я попрошу. Не откажет мне.

— С ним поздно будет. С врачами не встречусь, — откланялся Виктор. — На дорогу выйду. Подвернётся, думаю, что-нибудь подходящее.

4

Лет восемь, как начали ездить до райцентра новой асфальтовой дорогой, постепенно забросив просёлочную старую, хотя и более короткую. Изредка гусеничные трактора да гужевой транспорт увидишь теперь на ней, да разве в хорошую погоду случайная машина пропылит.

Новую дорогу проложили нефтяники, пожалуй, надолго присмотревшие богатые на природный газ и нефть земли вокруг Ромашкино. Они хотели пропустить дорогу к своим вышкам напрямую через деревню, но председатель сельсовета, ходившая в то время в уважаемых депутатах Верховного Совета, оказалась — на удивление! — сильнее могущественной нефтегазодобывающей фирмы, обычно ни с чем и ни с кем не считающейся, оправдывающей загубленную природу, разрытые хлебные поля и прочие безобразия ценнейшим «чёрным золотом» и «голубым топливом». В прошлую весну, в половодье, они в родниковую речку, вдоль

которой и бежала теперь новая дорога, нефть упустили, память о себе чёрную оставили. До сих пор приречные камыши и низкие кустарники не отмылись дождями, тревожно чернеют макушками среди снеговой белизны.

— Натворили делов! — сказал по этому поводу Гена Марьин, заехавший за Виктором к отцу (сбегала-таки к нему беспокойная Татьяна Маришкина, упростила, видно, пораньше выехать). — Такую рыбную речку испоганили.

— Что и говорить. Воду из неё пили. Чистая была речка, чувствовалось её родниковое начало, — согласился с ним Виктор. — А помнишь, сколько налимов водилось? Голыми руками за жабры брали их, скользких, в корягах. Или из-под сброшенных в речку жерновов бывшей водяной мельницы вытаскивали. А налим — уважающая себя рыба, разборчивая. Ему только чистую воду подавай, хотя и в тине возиться любит. Чуть что не по нему, пропадает разом, уходит на чистые воды.

— Верно говоришь. Уж я-то налимов этих будь здоров перетаскал. Однажды посидел с удочкой возле колхозного яблоневого сада, такого налима из омута на огольца взял, что твой сом! Хватало рыбы. Щука, линь, краснопёрка не переводились. Про мелюзгу и не говорю.

— Это уж точно. При поливе огурцов, бывало, зачерпнёшь из

речки с деревянного мостка ведёрко воды, выльешь в грядку, глянешь, там огольцы и пескари ротики открывают, вьюны извиваются... Теперь в нашей речке и такую рыбку, наверно, не словишь.

— Ушла рыба. Караси лишь, нефтью провонявшие, попадают.

— Возможно, вернётся рыба, — сказал Виктор. — Слышал, власти зашевелились по речке.

— Кое-что предприняли. Штрафанули нефтяников, само собой. Постановление путёвое сочинили, в газете районной нашей пропечатали, обязав сразу же после нынешнего весеннего паводка виновников за чистку замазученных берегов взяться, чёрные безжизненные камыши и кустарники выжечь аккуратненько.

— Хорошо, коли так. До того дожили, что скотине, не вымазавшись, к воде не подойти, — со знанием сельской жизни рассуждал Виктор. — Летние фермы от речки убрали к лесу, наскоро запрудили жидкие ручейки, снежную воду ловить собираются в овражках, чтобы водопой нормальный был... Бывало, братан мой старший Михаил приедет в деревню, в райцентре Токаревка он тогда ещё жил, сачок, из прочных ниток связанный, и болтушку деревянную в свой тарантас кинет, меня возьмёт подручным, да на Ильмень-речку за яблоневый сад махнёт. Облюбует местечко, на

узком протоке сачок поставит, велит мне болтушкой по камышам двигать, рыбу гнать. Несколько таких заходов — и полтарантаса улова, ешь не хочу! «Хватит, куда нам столько?» — прошу его остановиться, но разве послушается он меня, мальчика, если только-только в азарт вошёл... Отловился вот... Земля ему пухом.

— Быстро его скрутило, неожиданно для всех, — сказал Марьин. — За два месяца до смерти к отцу в деревню он приезжал. Нормальный был и видом, и настроением. Кто бы мог подумывать... Рак вроде?

— Рак. На Первое мая случилось. Я тогда на Смоленщине жил. После демонстрации заводские на природу ехать уговаривали. Отказался. Настроения не было. Что-то тяготило меня, хотя для кручины вроде бы никакого повода не было... Дома решили с женой потихонечку Первомай отпраздновать, у телевизора посидеть. Да не вышло. Дружок из соседнего дома к себе вытащил. Вернулись когда часов эдак в десять, звонок телефонный с почты: «Телеграмма вам. Приходили дважды, не застали. Брат умер». Дорога неблизкая, ехать срочно нужно, иначе не поспеть на похороны. Успел заскочить в последний ночной поезд и задремал крепко. Утром еле про телеграмму вспомнил. Заспал, похоже. Пока не доехал до места и не увидел в братнином дворе обтянутую красной материей крышку гроба, не верил всё...

Через шесть километров от Ромашкино дорога упёрлась в главную трассу.

Гена Марьин сбросил скорость, пропустил несколько машин и повернул влево, на Токаревку.

— Сколько лет Михаилу было? — спросил он.

— Пятьдесят два всего. Ещё жить да радоваться бы ему на родной земле, от которой его в своё время Министерство обороны оторвало. Не посчиталось с ним, гражданским по натуре, в танковое училище после окончания финансового техникума направило, затем аж в действующую армию на Дальний Восток, командиром взвода. Напрасно всё. Не желал он военной службы, добился своего. Комиссовался, на родину вернулся. Сначала в Токаревке определился районным финансистом. Затем, когда сыновья подросли, в город перебрался, что рядышком совсем, дом срубил. Престижные курсы усовершенствования окончил, заметные должности в городе занимал... — Виктор примолк, дождался проследования шумной колонны большегрузных машин, продолжил: — Толковый был, да к водке излишне потянулся. Постепенно до экономиста коопторга скатился, приёмкой продуктов от колхозов и частных ведал, где за процентами «усушки-утруски» и вовсе к спиртному пристрастился. Спихнулся было, за лечение взялся, да поздно уже... Хорошо, на своей земле

умер, сходить на его могилку всегда можно.

Виктор закашлялся, вздохнул:

— Раскидало же нас, Ярцевых, по белу свету. Один брат в Первоуральске, другой в Ташкенте, сестрёнку под Новосибирск занесло...

— Раньше мода такая была: из дома подальше рвануть, — высказал свою версию Марьин. — Потому и катались.

— Не только из-за моды. Семьи большие были, а достаток малый. Вот и уезжали свою жизнь устраивать. Сергей, к примеру, аж в Ташкент, за две тысячи километров махнул.

— Знаю. Твой отец рассказывал, да от самого беглеца слышал. Провалил он в школе переэкзаменовку, испугался родительского гнева, без копейки в кармане, с куском хлеба лишь укатил к брату Мише, когда тот в Чирчике на танкиста учился. Кстати, Сергей собирается насовсем в деревню приехать. Тянет, говорит, домой сильно.

— Понятное дело, знакомое. У меня на Смоленщине всё прекрасно было. И квартира трёхкомнатная, и должность на заводе высокая и денежная. Всё же не вытерпел, перевёлся вот. И веришь, с приездом в родные края сразу полегчало, словно груз какой с плеч сбросил.

— Многие сейчас возвращаются на родину. И молодые, и старые.

— Выходит, корни дают о себе знать.

— Похоже.

Так за разговором и скоротали они дорогу. Марьин подвёз Виктора до больницы:

— Если быстро справишься, подожду. Заеду.

— Не знаю, как получится, — ответил Виктор. — После больницы на телефонку ещё зайду с женой переговорить. Да ты за меня, Гена, не беспокойся, не создавай себе неудобств. Главное, спасибо, сюда добросил. Грешным делом, думал, из-за размолвки наших стариков сторониться будешь.

— Ещё чего! Между прочим, с дядей Колей мы по-прежнему поддерживаем связь. Случается, иногда и бутылочку раздавим.

— Может, зря и разругались они?

— Им виднее... — махнул рукой Марьин, глянул на часы, прикинул: — Значит, так. В два я подъеду к почте. Постарайся к тому времени управиться.

— Договорились.

5

Виктор, согласно пояснениям Маришкиных, поднялся на второй этаж нового кирпичного здания. В приёмной убиралась симпатичная женщина в больничном халате.

— Мне к заведомому, — обратился к ней Виктор.

— А Василь Василич только

что до начальства ушёл, — сказала она. — Если он тебе нужен, подожди. Обещался вернуться скоро.

Виктор сел ближе к окну, стал оглядывать больничный сад с недавно высаженными деревцами, за ним двухрядную с добротными домами улицу, в конце которой угадывались знакомые ему ещё со школьных лет деревянные корпуса старой больницы.

— У тебя жена здесь? — любопытствовала уборщица. — Могу пригласить.

— Тёща...

— Твоя тёща? — не дала она договорить ему. — Вот не думала!

— О чём не думали?

— Что в таком возрасте тоже аборт делают.

— При чём здесь это? — обиделся Виктор, и без того задетый её бесцеремонным тыканьем. — К вам ещё вчера вечером с высоким давлением поместили.

— А-а-а... Как же я сразу-то не догадалась, дурёха. Места в терапевтическом отделении не оказалось, вот к нам в гинекологию и положили твою тёщу, — виновато вроде затараторила она. — Тогда не к Василь Василичу тебе, а к Ангелиночке. Она как раз твою тёщу осматривает. Побегу про тебя ей скажу. Уйдёт ещё через служебный выход...

— Спасибо. Как она?

— Ночью сильно бредила. Зорьку всё какую-то звала, корову, наверное.

— Точно. Есть у неё такая корова. А не тяжело вам, день проработав, ночью у больной сидеть? И по дому как справляе-тесь?

— Так я же абортница. Убираюсь же по своей воле, хочу Василь Василичу угодить. Частенько ведь наведываюсь я сюда.

— Понятно. А здоровья не жалко? И новую жизнь в зародыше губить?

— А чего жалеть? У меня в деревне четверо ребятишек бегают, пятый в армии. Куда ещё?! А про здоровье некогда думать: муженёк у меня хлопкий с виду, но дюже неугомонный, да и шофера-красавцы на уборочную наезжают. Как тут устоять?

— В таком случае предохраняться надо.

— И-и-и... Чего удумал, — рассмеялась она. — Это ты небось жену бережёшь. Мой же о резинках всяких и слышать не хочет. Грех, говорит. Не положено. Рожай лучше, говорит, прокормлю как-нибудь. Вот и езжу к Василь Василичу украдкой от мужа, придумываю всякие женские болезни.

— Сколько же вам, если не секрет?

— А какой резон мне года свои прятать? В семнадцать первенца родила. Весной из армии его ждём. Вижу, грамотный ты, считаешь.

«Лет на пять моложе моей Валентины, — прикинул Виктор, позавидовал ей. — Только что

операцию перенесла, а на щёчках маки полыхают вовсю. Валентине бы такое здоровьище...»

— Молодо выглядите, — сказал он.

— Мы же городскими горями не дышим и нервов не тратим на очередях...

Их беседу прервал лечащий врач Дарья Григорьевна — блондинка лет сорока пяти, не из красавиц, но ухоженная от крашенных ногтей до пышно взбитой причёски.

— Вы к больной Фёдоровой? — спросила она приятным голосом.

— Да, да, Ангелина... Извините, не знаю отчества, — поднялся Виктор, представился.

— Анна Трофимовна, — сказала она так же приветливо, словно не обратила внимания на промашку, допущенную Виктором с подачи прыснувшей уборщицы. — А вы пойдите в палату, постель больной смените, коли вызвались ухаживать, — построжала Анна Трофимовна, спровадила насмешницу, достала из кармана своего до хруста накрахмаленного коротенького белоснежного халатика сигареты в красивой упаковке, предложила Виктору.

— Спасибо, Анна Трофимовна. Не научился ещё, — отказался он, неуютно чувствующий себя из-за промашки. — Извините за моё ошибочное обращение.

— Ладно уж, — махнула она рукой. — От лисички этой Елены Прекрасной чего хочешь ожи-

дать можно. Кем приходиться больной?

— Зять.

— А жена что же? — она закурила, с интересом глядела на Виктора.

— Не смогла приехать. Светилу столичному ей показаться надо... по беременности.

— Ясно, — Анна Трофимовна пригасила сигарету о краешек аккуратной урны, бросила в неё. Яркой помадой подправила тонкие губы. — Словом, Виктор, состояние больной тревожное. Паралич правой стороны тела и левого мозгового полушария. Повезло, не по сердцу пришёлся удар. Самое страшное, полагаю, позади. Критическое давление сбили. Вылечим. Только хороший, постоянный уход за ней нужен. Няnek у нас, к сожалению, нет. Так что продумайте эту проблему. На Лену не полагайтесь. А теперь пойдёте к больной. Посмотрим, как воспримет она ваше появление.

Дарья Григорьевна лежала на крайней от входа койке в просторной, на восемь мест, палате.

— Это я, Витя, — сказал Ярцев, придвинул табуретку ближе к её изголовью, сел.

Она видела его, но глаза ничего не выражали.

— Не узнаёшь разве своего зятя? Это же я, Витя, — повторил он.

— Ясенько. Полная заторможенность, — сказала Анна Трофимовна. — Так и думала.

Потребуется время для выхода больной из кризиса. Будем помогать.

Она посмотрела на свои часики, заторопилась. Протянула Виктору визитку:

— По всем вопросам только ко мне. Никакой самостоятельности. Главное для больной сейчас — уход и покой.

— А ты глянулся Ангелиночке, — сказала Лена перед уходом Виктора. — Незамужняя, между прочим.

Он хотел приструнить развязную женщину, но сдержался, поскольку за тёщей она приглядывала, спросил только:

— За что Анну Трофимовну не любите, Ангелиночкой зовёте?

— Потому что свой востренький нос всюду суёт Ангелиночка эта, расфуфыренная и раскрашенная, чисто ангелочек. И к Василь Василичу пристаёт. Наверное, и тёщу твою сюда определила, чтобы с ним чаще видеться. Мало ей, что в одном подъезде с Василь Василичем живёт.

— Ревнуете, похоже? — улыбнулся Виктор.

— Есть немного. Но я уважаю её как специалиста. Все уважают. Толковая она баба. Кандидат наук.

Виктор положил в карман цветастого халата Лены пару купюр по двадцать пять рублей, распрощался с ней до завтрашнего дня и вышел на улицу.

Маленькие деревца разбежались по просторному саду и, словно детишки в белых одежках, по колено увязли в снегу, а те, что ближе к забору, и вовсе зарылись в наметённые сугробы.

Пока шёл к почте, Виктор любовался корпусами нового больничного комплекса, особенно центральной площадью помолодевшей Токаревки, которой могли бы позавидовать многие солидные города.

— Лёшкина работа, — поразился он за районного архитектора, ромашкинца, с которым в детстве из спичечных коробков домики строили. — Добился-таки своего. Инженерно-строительный институт окончил, любимым делом занимается.

Подумал: «А ведь немало талантливых выходцев из Ромашкино. И артисты есть, и художники, и писатели... Может, не всемирно известные, но довольно профессиональные, в меру своего таланта прославляющие малую родину. Многие из них, не одну пару штиблет поизносивши на городском асфальте, домой вернулись, здравствуют поныне или на местном кладбище уже покоятся. Есть, конечно, и такие, для которых Ромашкино — лишь слово в биографии, но перед закатным часом своим каждый из них непременно вспомнит родное село, где корни его...»

На почте Виктор быстро связался с женой, позволил себе святую ложь о тёще:

— Положили в больницу, но чувствует себя неплохо...

Сестре же Антонине, которой позвонил следом, без утайки рассказал о состоянии больной, попросил до своего приезда почаще заглядывать к Валентине. О кулинарных занятиях отца тоже поведал, намекнув сестре, что не мешало бы как-то и ей подъехать к нему да пельменей налепить.

6

Несколько успокоившись после звонка мужа, Валентина отправилась в женскую консультацию. До неё было не так далеко, и она не стала дожидаться троллейбуса, решила пройтись, благо время позволяло и день радовал солнцем. Возле церкви, мимо которой шла, она приостановилась, перекрестилась на золочёные купола:

— Боже праведный, не оставь маму без своего внимания, помоги ей излечиться скорее и мне силы дай дитё доносить, на белый свет глянуть позволь ему, желанному...

Валентине при её возрасте и повышенном давлении не советовали рожать второго. Но как только могла противостояла она врачам и близким родственникам. Болезненно воспринимала осторожные доводы мужа отказаться от опасной для будущего ребёнка и её самой затеи. Быть может, это и являлось главной причиной её упорства, переходящего в упрямство. Всё чаще в ожидании

мужа, допоздна пропадавшего на работе, она додумывалась до совершенно беспочвенных подозрений к нему и в беременности видела чуть ли не единственное средство возвращения мужских чувств, как ей казалось, в последнее время поиссякших.

Московский профессор, седой, довольно ещё моложавый на вид интеллигент, принял Валентину тотчас, как доложили, внимательно осмотрел, прежде чем разрешить ей одеться.

— Да-с, — сказал он. — Интересный случай, доложу вам...

— Только не отговаривайте. Бесплезно! — насторожилась Валентина.

Профессор удивлённо вскинул мохнатые брови:

— Не пытаюсь даже. Напротив, говорю, случай интересный... Вот так-с... А теперь внимательно выслушайте меня.

Он выдал ей свои рекомендации и отпустил. Уже укутываясь в шубу, Валентина слышала в приоткрытую дверь обращение профессора к её лечащему врачу:

— При следующем моём визите обязательно покажите. Довольно интересный случай...

Дверь прикрыли, и Валентина не услышала концовки фразы. «Что за такой интересный случай? — думала она. — Может, за подопытного кролика сгодилась? Не похоже. Какой ему резон экспериментировать со мной, в случае неудачи авторитет терять из-за незнакомой упрямой бабёнки, супротив всех намерившейся

непременно родить? Выходит, есть у меня слабенькая надежда на благоприятный исход...»

На обратной дороге она зашла в аптеку, заказала выписанные травы и лекарства. Потом в овощном магазине купила свежей красной свёклы, сок которой настоятельно рекомендовали ей. Вечером к ней забежала сестра мужа. Валентина очень обрадовалась Антонине. Есть с кем поделиться наболевшим, посоветоваться. Заварила чай, коробку конфет открыла.

— Уладится всё и с тобой, и с матерью, — успокоила её золовка, терпеливо выслушав то, о чём уже знала от братишки. Как и было условлено с Виктором, она словом не обмолвилась о телефонном разговоре с ним.

— Дай-то Бог. Всё же напугала меня мамка. Неожиданно как-то получилось, к моей проблеме наслылось.

— Что же тут неожиданного? Тяжело ей одной, вот и не выдержала. Мы, женщины, ведь какие? Когда мужья рядышком, нет-нет да и норовим копытцем чувствительно лягнуть, а без них места себе не находим... Кстати, неделька у меня свободная получается. В деревню, что ли, съездить?

— Я бы хоть сейчас поехала. Витька — там, но всё равно душа ноет. Самой бы за мамкой посмотреть. Только не вырваться никак. Отчётные дни на работе, никому не перепоручишь. И на консультацию к врачу ходить

нужно.

— Ну и ходи на здоровьице, раз решила родить. О матери не беспокойся. Всё же съезжу я в деревню. Отца проведаю и за матерью твоей посмотрю. Завтра же утренним выеду.

— Спасибо, Тонечка.

— Передашь что?

— Кое-что положу из съестного. Водки ещё передам, если не тяжело тебе будет. Скоро год отцу, без спиртного не обойтись. Витька ящик брал с собой и десять бутылок коньяка. Маловато, пожалуй.

— Клади. Дотащу как-нибудь. Лучше пусть с запасом будет. Сейчас при горбачёвском сухом законе многие на помины ради неё и ходят. Причём без приглашения могут заявиться. Не выгоишь ведь?! Создали проблему. То очереди километровые были за одной бутылкой на руки, теперь вот талоны дурацкие ввели на неё... Витя на работе своей, похоже, достал?

— Как бы не так. Ещё до введения талонов запаслись. Настоялись в очередях. Готовились.

— Зря он своим положением не пользуется. Ему бы начальство не отказало. Слышала, у них на заводе запросто это делается.

— Таким его воспитали. Лучше помучается, чем кланяться, обязанным кому-то быть. Потому и живём при своей гордости и чистой совести без машины и дачи.

— Зато спите спокойно.

— Это уж точно, — улыбу-
лась Валентина. — Терять-то не-
чего.

7

Очередной деревенский день
для Виктора начался, как обыч-
но, с гимна по радио, служащему
ему будильником. Он прослушал
последние новости, встал, расто-
пил плитку.

На завтра он собирал род-
ственников на помины тестя...

Сегодня же надо было ехать
в больницу. Теперь и к жене, ко-
торая не выдержала, приехала в
Токаревку, сменила золовку Ан-
тонию, которая больше недели
ухаживала за её матерью.

— Управляйся как-нибудь
без меня, — сказала Валентина
мужу при его вчерашнем посеще-
нии. — Думаю, не осудят люди
за моё отсутствие на поминах,
и папка простит. Конфеты мне
завтра обязательно привези, раз-
дам здесь... Соку свекольного
для меня побольше сделай. Из
еды картошки отвари немного да
кусочек сальца положи. Хватит
нам этого на два дня. Меня тоже
кормить стали, как больную. На
сохранение определили...

Процесс приготовления сока
был длительным и нудным. Свё-
клу требовалось сварить, про-
тереть на самой мелкой тёрке,
отжать через марлю. Виктор не
любил это дело, но куда денешь-
ся, раз надо. Нацедил двухлитро-
вую банку, закрыл завинчиваю-
щейся крышкой. Отваренную

в мундире картошку, обжигаю-
щую пальцы, укутал полотен-
цем, газетами обвернул, чтобы
тёплой довести. Уложился. Пока
собирался, дрова в печке прого-
рели. Он закрыл задвижку пли-
ты. Оделся. С трудом открыл в
сенцах наружную дверь, подпёр-
тую выпавшим утром обильным
снегом.

— Ого! — удивился он этому
и огорчился продолжающимся
снегопадом. — Очень некстати
валит. Не выедешь из деревни.

Протоптал дорожку к сара-
ям. Выпустил под навес корову.
Овечек оставил внутри. Сенца
принёс.

— Придётся на лыжи стано-
виться, — решил он. — Когда ещё
колхозный бульдозер дорогу
расчистит. Доберусь до главной
трассы, глядишь, и поеду даль-
ше. Её-то нефтяники постоянно
шлифуют.

Лыжи стояли в мазанке, как и
положено, связанные по концам
и на распорке. В прошлогодние
зимние каникулы сын катался
на них, потому Виктор проверил
металлические крепления, нет ли
трещин на полотне. Примерил
ботинки. Они немного ссохлись,
но не жали. Он зашнуровал их,
встал на лыжи, пробно проехал-
ся по двору.

— Годятся, — заключил он.
Вернулся в избу, переоделся в
спортивный костюм, накинул бо-
лоньевую на тёплой подкладке
куртку.

Вскоре он катил уже с вещмеш-
ком за плечами в сторону Токарев-

ки. Как и предполагал, к чистке дороги ещё не приступили.

— Пожалуй, и на главной трассе при таком снеге проблемы будут с транспортом. Рвану-ка я напрямую, пяток километров точно срежу, — решил он и свернул с дороги к Шихан-горе.

Поднявшись на Шихан, Виктор остановился передохнуть. Снег наконец-то угомонился, и с Шихана, второго среди ромашкинских бугров по величине и крутизне после Красного, открылся вид на посёлок нефтяников. Его дымящиеся трубы и газовые факелы казались совсем рядом, но Виктор ещё в школьные годы уяснил эту обманчивость...

...Тогда на месте посёлка стояла одинокая в снежном пространстве буровая вышка. В одну из морозных ночей невероятной силы газ пробил недобуренные метры земного пласта и вырвался наружу. Страшным гулом наполнилась степь. Гул был такой плотный, что ромашкинцам приходилось чуть ли не в ухо кричать, чтобы услышать друг дружку. Ничего не смогли предпринять нефтяники по усмирению прорвавшегося глубинного газа. Многотонные чугунные кляпы и железобетонные блоки откидывались этой природной необузданной силой, как щепки. Ромашкинцам и жителям других близлежащих селений запретили чиркать спичкой в погребках, разжигать костры в ов-

ражках, где оседало непрестанно выдыхаемое скважиной отравляющее вещество. До лета гудело, пока не стянули нефтяники к аварийному месту нужную технику. Боковыми подбурениями они многократно ослабили напор вырвавшейся на волю силы, в трубы загнали, направили куда следует.

Глянуть на эту диковинную силу и собрался десятилетний Витюша Ярцев с друзьями своими на следующий же день, как гул пошёл, благо в школе из-за сильного мороза занятия отменили. Далековато оказалась та буровая, километров семь на лыжах тащились. Чуть ли не напрасно. Хорошо, что приставленный к буровой охранник добрым дядькой оказался, несмотря на строжайший запрет, разрешил подойти к бьющей из небольшой круглой скважины голубой газовой струе. Отогрелись малость пацаны в сторожевой тёплой будке, обратно подались, на ветер теперь, обморозились будь здоров. Витюше тогда кончики пальцев прихватило морозом. Так и не оттёрлись они снегом. Теперь для них и лёгкий морозец чувствителен.

Как и другие ромашкинские памятные места, Шихан с годами не забывается. Не только лыжными катаниями памятен он Виктору Ярцеву. Помнится ему, как летом на продуваемом степными ветрами крутом склоне Шихана проступали из пе-

ска камешки-голыши, которые частенько собирал он для бани и своих игр. Весной же ему доставляло удовольствие ходить по противоположному пологому и длинному склону Шихана вдоль овражка, несущего талые воды с бугра в Ильмень-речку. Ходить, высматривая в пробуждающейся от зимней спячки земле сусликовые норы, циркулем будто очерченные пяточки. На первых порах с братом Сашей вылавливал он сусликов. Недолго при нём пристяжным ходил. Воду таскал из овражка ведёрками до тех пор, пока не наполнится сусликовое глубокое жилище. Отфыркиваясь от льющейся струи, мокрый зверёк выставлялся мордочкой наружу. Не схвати его вовремя сноровисто и цепко за шею, убежит или, хуже того, длинными острыми зубиками цапнет по пальцу, насквозь прокусит. В удачливые дни до трёх-четырёх десятков сусликов он вылавливал. Неторопливо, словно герой какой, шёл он тогда по деревне, похваляясь рядами навешенных на поясе просохших, распушившихся жёлтым мехом степных зверьков.

В ту насытную пору мясо суслика вовсю шло на еду. Поныне помнятся Виктору из сусликовых ножек мамины пироги — курники, подрумяненные в русской печке и до того вкусные, что пальчики оближешь! Да и негоже брезговать сусликом, поскольку они всю зиму в своих

норах зерном кормятся, жирными выбираются на весеннее солнышко. Лишь с появлением травы припахивать начинают.

Шкурки тоже шли в дело, распяленные, прибывались гвоздями на широкую доску, высушивались таким образом и сдавались в специальные приёмные пункты. Были тогда такие и в райцентре, и в крупных селениях, как Ромашкино.

Немало Витюша Ярцев переловил за школьные годы сусликов, даже грамоты районные за их отлов получал. Бессчётно водилось в те сравнительно недавние годы грызунов, заметный ущерб приносящих колхозу. Теперь иная картина. С трудом отыщешь у Шихана сусликовый пяточок, любовно называемый братом Сашей «слитуркой», от слова «слить», похоже, то есть вылить. Повывелись суслики. Потравили их травкой, опылённой ядовитыми порошками при обработке полей самолётами, водичкой замазученной... Изредка услышишь теперь пересвист сусликов. Ещё реже посчастливится увидеть столбиками вставших на задние лапки красивых степных зверюшек. Может, и к лучшему это. Грызуны — они вредители как-никак. Но жалковато всё же...

Будто снежинки с куртки, смахнул Виктор наплывшие воспоминания, скатился с Шихана и заскользил по ровному белоснежному полю до Токаревки.

Дарья Григорьевна медленно приходила в себя. Ещё не сознавая случившегося, не отказавшими, живыми крупинками памяти выхватывала она кусочки того злополучного для неё дня и вновь проваливалась в тёмную яму. Боли как таковой она не чувствовала. Лишь с появлением дочери застучало в правом её виске и дрогнули доселе безучастные ко всему глаза.

— Доченька, — выдавила она с трудом и заплакала.

Каждый день прибавлял ей памяти. Сегодня она узнала и своего зятя, на удивление Валентины довольно быстро для бездорожья добравшегося до больницы.

Только-только Анна Трофимовна закончила осмотр, облегчённо вздохнула:

— На поправку пошло. Видимо, что-то мучило её и теперь вот разрешилось: кризис миновал. Однако состояние не из лёгких. Старайтесь не беспокоить понапрасну. Пусть сил набирается.

Ярцевы пообещали врачу неукоснительно выполнять все её предписания. Оставшись наедине, обнявшись, посидели молча, обговорили завтрашние поминки.

— Не забывай о нём, — погладил он заметно круглеющий живот жены.

— Хорошо, милый...

Поцеловав на прощание жену, Виктор с лыжами в руках сбежал по ступеням лестницы.

Во дворе больницы Анна Трофимовна о чём-то весело болтала с Василием Васильевичем. Увидев Виктора, она тотчас направилась к нему, словно поджидала:

— Можно на минуточку?

«Как невеста на выданье», — подумал Виктор, оглядывая её, невысокую и ладненькую, в тёмно-коричневой мутоновой шубке и такого же цвета норковой шапке. Одного цвета с ярко накрашенными губами были её сапожки и шарф с развевающими концами.

— Домой? А я с просьбой к вам.

— Слушаю, Анна Трофимовна.

— Подарок себе к Новому году сделала. Люстру моднящую приобрела. Из чешского стекла. Не терпится повесить. Василия Васильевича попросила подсобрать по-соседски. Не берётся. Говорит, не мастер по этой части. Электрика нашего совету-ет пригласить, он и сам к нему обращается. А я не могу. Меня от одного вида вечно поддатенького электрика этого тошнить начинает... Не зайдёте по пути одинокой женщине помочь?

В двусмысленности последней фразы не приходилось сомневаться. Но Виктор, обеспокоенный тем, что ветерок

шустренько начал с веток молодой снежок стряхивать и в ногах путаться, не заметил этого.

— Поможем, — не посмел он отказать ей, ведь она лечит его тещу, хотя надо было бы отказать за кокетство такое, непростительное для немолодой уже и при серьёзной должности женщины.

Анна Трофимовна жила поблизости, в одном из четырёх двухэтажных коттеджей, уютно вписавшихся в больничный комплекс.

«Лёшкина работка!» — опять порадовался Виктор за районного архитектора.

— Вот мы и дома, — Анна Трофимовна двумя ключами открыла обитую чёрной кожей массивную дверь, пропустила вперёд Ярцева. — Поухаживайте-ка за дамой.

Он помог ей снять шубку, скинул свою выдавшую виды куртку, расшнуровал изрядно подмокшие ботинки и следом за хозяйкой прошёл в зал.

— Жарко-то как! — Анна Трофимовна расстегнула пуговицы зелёного костюма, выказав белоснежную блузку. — Привыкайте, пока я переоденусь.

— Мне бы за дело... — сказал он.

— Успеется. Слышите, часы только одиннадцать бьют, — не дала она договорить ему, ушла в спальню, как бы нечаянно оставив дверь приоткрытой, чтобы он мог видеть её переодевание.

Он отвернулся, огляделся. Квартира очень походила на свою ухоженную хозяйку. Всё в ней было тщательно и со вкусом подобрано, расставлено, оклеено, выкрашено, прибито... Конечно же, без мужских умелых рук здесь не обошлось.

«Похоже, немало у неё помощников, — усмехнулся он. — Вот и меня затащила...»

В помятом, сильно вылинявшем синем спортивном костюме он выглядел здесь случайным и чужеродным. Это ощущение усилилось с появлением хозяйки в оригинальном сиреновом халатике, отороченном белым мехом, с боковыми разрезами, сбегаящими вниз от кармашков, при лёгком движении высоко обнажающими ноги.

Виктор догадался, что разыгрывается спектакль, в котором Анна Трофимовна исполняет свою давно заученную роль. «А ведь права Лена, — подумал он. — Ангелиночка умеет нравиться и срывать аплодисменты».

— Начнём. Где люстра? — принял он предложенную игру, чтобы исполнить просьбу и красиво уйти сразу же после первого акта задуманного действия.

— С неё, родненькой, и начнём. Как говорится, сделал дело — гуляй смело.

Люстра оказалась довольно сложной конструкции, пришлось повозиться, прежде чем подвесить её вместо снятой старой, жёлто-лепестковой.

— Старая тоже была хороша. Подсолнушек! Над зелёным ковром висела, как солнышко над лугом.

— Поэтически сказано. Наверное, стихи писали?

— Было, Анна Трофимовна.

— А я вот люблю время от времени обновляться. Всё веселее на душе. «Подсолнушек» подружке отдам. Пусть под солнышком поживёт. Вам же спасибо за помощь. С меня причитается. Накрываю стол. Быстренько душ примите, пропотели ведь в дороге. Освежиться никогда не помешает, — она показала ванную. — Там и халатик найдётся.

«Смотри-ка, всё у неё предусмотрено», — подивился Виктор. Вслух же весело отказался от предложенного:

— Душ для меня слабо. Баньку бы с венчиком!

— Ну как хотите. Ванна в нашем распоряжении...

«Молодец баба!» — тщательно моя руки, оценил он отделку ванной розовым кафелем и зеркалами. О том же подумал на кухне. Во всём порядок и стерильная чистота. Главное, ничего лишнего, как и во всей квартире, отчего кажется она просторнее, воздуха в ней больше.

— Что пить будем? — спросила Анна Трофимовна.

— Чаю бы чёрного да покрепче.

— Не годится! — она открыла бар-холодильник с набором бутылок, предложила выбрать напиток по вкусу.

Виктор облюбовал «Монастырскую избу». Анна Трофимовна покачала головой, «Белого аиста» достала.

— Пожалуй, для обмывки это более подходящее.

Выпили по рюмке коньяка. От второй Виктор отказался, полфужера вина себе налил:

— Достаточно мне, Анна Трофимовна. Пора, как говорится, и честь знать. Сухенького вот на посошок — и полный расчёт за работу.

— Слушать не желаю, — весело возмутилась она, налила ему коньяку, придвинулась ближе. — Обижаете, Витя... Словно мне рассчитываться нечем. Выпьём?

— Я бы с удовольствием. И посидел бы ещё. У вас так уютно, покойно и вкусно... Только ехать мне надо. Скотина дожидается непоеная и некормленная. Я же никого не предупредил... И помины завтра... Тестю год исполняется. Так что давайте до следующего раза коньяк оставим, а?

— Жаль, — погрустнела она. — Причина уважительная. Иначе бы не отпустила так...

Виктор стал одеваться.

— Да, — вдруг вспомнила она. — Вы, кажется, на заводе работаете. Не могли бы кое-что для моего комода выточить? Пойдёмте покажу.

Она повела его в спальню, показала медные ручки шифоньера:

— Такие бы. Чтобы одинаковые были.

Виктор открутил ручку, снял размеры, эскиз набросал:

— Сделаем, Анна Трофимовна.

— Расчёт хоть сейчас, — улыбнулась она, как бы нечаянно оступившись, прижалась к нему.

Он распрямылся, близко увидел не поддающиеся маскировке морщины на её шее, вздохнул почему-то, пожалел, что ли: «А ведь старенькая уже...» Осторожно отстранился от неё, сказал весело, через силу:

— Какие расчёты, Анна Трофимовна. Это мы перед вами в долгу неоплатном...

10

Проводив гостя, Анна Трофимовна присела в кресло полюбоваться новой люстрой и задумалась.

...Совсем недавно вроде она, выпускница медицинского института, по направлению приехала в Токаревку, а вот уже двадцать пять лет, как в районной больнице трудится. Ветеран труда уже.

По-разному ей жилось. Дважды замуж выходила. Первый раз влюбилась в одногодка-красавца, надумавшего провести армейского дружка своего, водителя больничной скорой, с кем она по вызовам ездила. Через него и познакомились близко. Может, по-иному сложилось бы всё у молодожёнов, увези он сразу её к себе. Не получилось. При нехватке врачей не отпустили Аню

без отработки. Не уговорила она начальство, и он не стал настаивать, ждать согласился и, чтобы на иждивении жены не сидеть, в районную «Сельхозтехнику» слесарем устроился временно. По жилью они не хлопотали, комнатой, что для неё снимала больница, довольствовались. Всё равно ведь скоро съезжать. Твёрдым было решение, верным, поскольку и его домой корни родные тянули, и её, в детдоме выросшую, тоже не держала Токаревка. Небогато жили, счастливо зато. Только недолгим это счастье оказалось. Однажды, раньше времени явившись домой, она застала мужа в постели с дочкой хозяйки, у которой снимала полдома с отдельным входом.

В тот же день она вещички собрала, несколько ночей в своём рабочем кабинете проплакала. Не смогла простить мужу, на развод подала, как ни умолял он, как ни раскаивался...

Не вернулась она в опротивевшую ей комнату и после того, как муж, теперь уже бывший, уехал из Токаревки. От одного воспоминания о происшедшем её тошнило. Убивала мысль о том, что любимый человек, первый и разьединственный в её жизни мужчина, кому она принадлежала телом и душой, связался со смазливой пустышкой, легкодоступной не только для него. Почернела, подурнела Аня от бессонных ночей, в работе лишь забывалась, за самых

безнадёжных больных бралась, на ноги ставить их умудрялась. Благодарностью больных за дарованную им жизнь свою боль залечивала.

На второе замужество за рано овдовевшего, видного в районе хозяйственника не сразу решилась, не по расчёту, как поговаривали завистливые и недобрые людишки, а, скорее, из сочувствия к нему и в надежде окончательно погасить всё ещё тлеющее чувство к первому своему мужу. Благодарная новому мужу, прекрасному во всех отношениях человеку, она через силу пыталась ответно полюбить его, терпение проявляла, пока наконец не догадался он и не отпустил её по-доброму. Двухкомнатную квартиру при этом выхлопотал для неё в одном из только что сданных коттеджей больничного комплекса, уговорил не возвращаться в общежитие нефтяников, где она до переезда к нему имела отдельную комнату. Впрочем, и без такого протекта она имела право на эту квартиру как молодой и хорошо зарекомендовавший себя специалист.

Опять неистово за работу взялась. Заочно ординатуру закончила, защитилась. Материал на докторскую диссертацию собирать стала, но живая работа оказалась ей всё же ближе и необходимее. Большую часть времени она проводила в больнице, о личном забывая. Конечно же, к ней, общительной и заметной,

тянулись мужчины. Но выступила её душа, потому даже заманчивые предложения на очередное замужество не находили в ней отклика. О тайных любовных связях и слышать она не желала...

И вдруг словно подменили её. За собой стала следить, чаще в обществе мужчин появляться, под видом ремонта квартиры наиболее привлекательных из них домой приводить, иногда и на ночь оставляя.

Токаревское сарафанное радио быстро сработало. Дивились многие.

— Бесится баба, — говорили о ней одни. — Свихнулась к старости...

— Не скажите, — перечили им другие. — Ей всего-то ещё ничего... В самом соку! Понимать надо...

Она и сама-то не понимала происходящего с нею. То ли жалко стало одиноко прожитых лет и наверстать упущенное взялась, то ли решила доказать заносчивым первым районным дамам, что при желании она добьётся большего, чем они.

Виктор сразу приглянулся ей. Привыкшая уже к постоянному вниманию мужчин к своей особе, она удивилась его спокойствию, если не сказать равнодушию в отношении к ней как к женщине. Ошибки не могло быть. Уж чему-чему, а читать по глазам она научилась. Это сильно задело её, вызвало желание завладеть им.

Она с трудом сдерживала себя в нетерпеливом желании, продумывала варианты приглашения его к себе домой. Очень кстати вспомнила про люстру, подаренную ей давно, но до сих пор не подвешенную...

...Сейчас Анне Трофимовне было покойно. Казалось бы, огорчиться ей оттого, что Виктор Ярцев тактично и умно отказался от неё. Такое вообще женщинами не прощается. Но, удивительное дело, она теперь даже благодарна была Виктору за преподанный урок и верность жене.

«Если бы мой любимый был таким и устоял тогда перед потаскушкой», — подумала она о своём первом муже. Ей вспомнились его ласки. Вернее, они никогда не забывались ею и ни в какое сравнение не шли с её нынешней краденной ради минутной услады любовью. Она с новой силой осознавала, что любила и любит только своего первого мужчину. Нестерпимо захотелось ей поехать к нему, издали хотя бы одним глазком глянуть на него, желанного...

Незаметно она задремала. Очнулась от пронзительного телефонного звонка.

— Нет, нет... — сказала она в трубку. — Я занята.

Часы пробили четыре раза.

— Всего четыре? — спросонья она с трудом сообразила, что день ещё, а потемнело в квартире от разгулявшейся вьюги.

Она прошла на кухню, долго стояла у окна. Крутило так, что

не просматривался противоположный коттедж.

— Ого! — испугалась она за Виктора. — Как же он в степи?

Налила коньяку, выпила:

— Помогите, Боже, ему живым и здоровым домой добраться.

Не спеша убралась. Позвонила в больницу дежурной сестре, удостоверилась, что там всё в порядке. Долго ещё стояла у окна.

— Не дай Бог беде случиться, — тревожилась она не на шутку, ругала себя: — Не задержись он у меня, до бурана успел бы добраться.

Её зазнобило. Она разобрала постель, сбросила накинутый на голое тело халат, забралась под одеяло. Зазвонил телефон. Снова набивались в гости.

— Нет, ни в коем случае, — твёрдо отказала она звонившему. — И, знаете, не звоните больше по такому поводу.

Но тот, на другом конце провода, не хотел понимать её, настаивал на своём.

— Я же сказала: всё! Незачем потому что! — рассердилась она и отключила телефон. — Ишь раззвонились! Обычно позже звонили, ждали, когда стемнеет. Словно воры, непогоде рады...

11

— Успеет ли? — переживала Валентина за мужа, напуганная начавшейся пургой. — Должен бы. Давно ведь уехал.

Зашевелилась мать, быстро и непонятно заговорила.

Валентина отошла от окна, присела к ней на койку.

— Что, мама?

Глаза матери были закрыты. Бредила она.

Пурга усиливалась, хлестала снегом по стёклам окна, скрежетала оторванной жестью оконного карниза. Заметно потемнело.

Вновь зашевелилась мать. Валентина догадалась о причине её беспокойства, достала из тумбочки простынку, чтобы сменить подмоченную. Одной ей сделать это было не под силу. Обычно ей помогали. Но сейчас в палате, кроме них двоих, никого не было. Лену где-то носило, остальные перед Новым годом выписались. Пришлось Валентине одной ворочать грузную мать. Кое-как справилась, сильно натрудила живот, легла на свою койку передохнуть. Боль ослабела, но не проходила. Не дождавшись Лены, Валентина сама доковыляла до закрытого кабинета Василия Васильевича. Вернулась в палату, полежала, ещё раз сходила. Безрезультатно.

Скоро явилась Лена, очень весёлая, защебетала. Казалось, от неё и спиртным пахло.

— Найди, пожалуйста, Василия Васильевича, — попросила её Валентина. — Плохо мне что-то...

— А он только что домой ушёл, — через силу приглушила Лена свою весёлость. — Сказать бы надо... раньше чуть.

— Дважды ходила. Закрыто было.

— А-а... В главный корпус его вызывали, — заметно сконфузилась Лена. — К нему должны были подойти. Просил встретиться. Вот я и караулила внизу... Надо же, какая незадача! А ведь забегал он перед уходом к себе. Наверное, из-за бурана ожидаемый товарищ не пришёл, и Василь Василыч сам к нему подался. Видно, нужная очень встреча... Крутит-то как!

— Да, не на шутку пурга разыгралась.

— Что случилось-то? Может, помогу. А серьёзно если, найдём Василь Василыча.

— Мамке простынку меняла, схватило до коллик.

— Меня бы подождала.

— Взялась вот себе во вред... Говоришь, можешь его найти?

— Есть у меня телефоны кое-какие. Так поискать Василь Василыча?

— Поищи. Мало ли что... Хотя, знаешь, не надо. Перетерплю. Негоже в такой буран чело-века гонять. Обойдётся всё, будем надеяться... За мужа больше волнуюсь, как бы в дороге не прихватило, — Валентина подошла к окну. — Метёт-то как!

— Может, не поехал он, переждать пургу решил у Ангелиночки, — поспешила успокоить Лена. — Василь Василыч слышал, как она люстру просила твоего мужа подвесить...

— Какую ещё люстру? — перебила её Валентина, побледнела от неожиданно возникшего ревностного чувства.

— Обыкновенную, с лампочками, — без каких-либо задних мыслей продолжила явно глуповатая Лена. — Ангелиночка — она такая, вечно что-нибудь придумывает.

Валентина уже не слышала её. Она еле добралась до койки, повалилась в слезах.

12

Старая заброшенная дорога от райцентра, чуть разогнавшись по равнинке, неспешно брала долгий подъём. Ровным рядом, словно бывалые солдаты, взявшие равный интервал, по ней вышагивали деревянные телеграфные столбы с провисшими служебными проводами. По сторонам дороги непрерывно тянулись неухоженные кленовые посадки.

Трассу, чувствовалось, рассчитали не так давно, но тут и там уже бугрились на ней свежие снежные перемены, растущие буквально на глазах. В такой ситуации рассчитывать на скорую попутку не приходилось, и чтобы не стынуть на всё усиливающимся ветру и не тратить в ожидании драгоценное время, Виктор решил на продолжение пути по старой дороге. Конечно же, не будь в деревне оставленной скотины и предстоящих годовых помин тестя, не стал бы он пытаться судьбу, а вернулся бы в Токаревку, уже еле-еле просматриваемую. Не к Анне Трофимовне зайти, чему она, как он понимал,

обрадовалась бы, а к другу, районному архитектору, скажем, наведаться, у него за сладкой беседой непогоду переждать.

Забурило всю свежесть снегом, валившим сверху, — и выпавшим ранее, не успевшим слежаться на земле, теперь разом взмётываемым нахрапистым ветром, который недавно совсем безобидным ветерком играл соломинками.

— Ничего, ничего, — успокаивал себя Виктор. — Не заплутаюсь. По столбам дойду. До деревни они меня доведут.

Посадки кленовые кончились. Виктор в клубящейся снеговой завесе, скорее, угадал это по резко ударившему в бок ветру, доселе всё же сдерживаемому деревцами. «Стало быть, полдороги одолел, — удовлетворённо отметил он. — Хорошо, ветер не встречный. Куда тяжелее было бы идти напролом».

От столба к столбу медленно продвигался он к родной деревне. Всё меньше оставалось до неё, но и силы таяли. Чтобы как-то взбодриться, он стал считать столбы. Отсчитав их два десятка, что означало ещё один пройденный километр, останавливался передохнуть и вновь двигался дальше. Наваливалась усталость. Хотелось присесть у очередного столба, прикрыть глаза, зажать ладонями уши, чтобы не видеть и не слышать похожую на светопредставление стихию. Усилив воли он заставлял себя переставлять отяжелевшие лыжи.

Посчитав столбы, он ткнулся в холодное двадцатое, давно уже отбродившее жизненными соками дерево, медленно сполз по нему вниз.

— Встать... Встать! — приказал всё же. Поднялся, двинулся к следующему столбу. Но не наткнулся на него, не нашёл, словно тот в прятки с ним сыграл.

— Так и заблудиться недолго, — не на шутку встревожился он, повернул обратно к исходному столбу, чтобы передохнуть, сориентироваться и взять верное направление. Не тут-то было. Лыжные следы быстро занесло. Пришлось действовать наугад. Под напором давно уже сменившегося направления ветра он всё левее и левее, всё дальше забирал от столбов.

— Всё, не могу больше! — окончательно выдохся он, опустился на корточки, повалился набок...

Его засыпало снегом. Он чувствовал это, но не мог и не хотел уже противиться. Напротив, радуясь сладостному облегчению, замерзая, в счастливой улыбке шевельнул губами:

— Как хорошо-то! Хорошо-то как!

Вдруг рядом совсем зовуще мигнул огонёк, кто-то голосом тестя поднял его, казалось бы, из загробного мира вернул в реальный, поманил к огоньку, не позволяя останавливаться.

— Омёт люцерновый, — определил он, наткнувшись на что-то громоздкое и мягкое. — На гумно

колхозной первой бригады, похоже, вышел. Сейчас проверим по водонапорной башне. За ним она должна стоять.

Не ошибся он: башня оказалась на месте.

— Дошёл!

13

Свою помощь в проведении поминок предложила крёстная Дарьи Григорьевны тётя Ирина. Как и обговаривали, она раненько явилась, с первыми петухами, постучалась в окно, разбудила Виктора. Печь затопила, чугуны и кастрюли из сенец занесла.

— Побольше приготовить еды придётся, — сказала она. — Народу много найдёт.

— Не думаю, — усомнился Виктор, после недолгого крепкого сна на удивление бодрый, словно не было жуткого испытания зимней стихией. Лишь в голове слабенько постукивали молоточки, да в щиколотках, натруженных лыжами, покалывало. — Знают, что в больнице мои...

— Знать-то знают. Но водка сильнее приличий. Считаю, все алкаши придут. И не выгонишь их с помин. К еде могут и не притронуться, но что положено им подай. Иначе жди осуждения. Ославят, чего доброго...

Печка сильно надымилась. «С отсыревших кизяков, наверно, — подумал Виктор. — Не занёс заранее. До того вымотался, что еле-еле сил хватило скотину посмотреть».

— Приоткрой дверь, — попросила тётя Ирина. — Задохнёмся того гляди. Коленце дымохода копотью забило, или, того хуже, кирпич внутри стронулся, тягу ослабил.

— Похоже, — согласился он, вспомнил тётшину просьбу посмотреть дымоход, повинился: — Не дошли руки. Летом обязательно прочищу.

— Лучше полностью печку разобрать, — посоветовала тётя Ирина. — Новую под газ сложить, с котлом для обогрева избы. Слышала, начнут с лета газифицировать.

— Неплохо бы. Всё будет зависеть от здоровья тётши. Пока к себе заберём, а там видно будет.

— Да, крепко её паралич вдавил. Волнительная она дуже, близко к сердцу всё принимает. Но, думаю, оклемается. Молодая ещё. Только-только седьмой десяток разменяла.

— Хорошо бы...

Виктор натаскал воды с уличной колонки, мяса нарубил для щей, картошки с полведра начинстил. Потом с подошедшей дочерью тёти Ирины сходил к ней за компотом, сваренным загодя. Ещё помощницы подошли, освободили Виктора от кухонных дел. Во двор, заваленный снегом, он вышел, за совковую лопату взялся.

Покуражившись вволю, буран под утро оставил деревню. На смену метельному западному ветру явился северный, пока не нагнал холода, не успокоился.

Тотчас над избами выпрямились дымы, захрустел под ногами снег.

Подкатили сани. Это брат Саша привёз певчих старушек, живущих в дальней стороне деревни. Ближние не заставили себя ждать, дружно собрались к положенному времени. Виктор не очень-то хотел их собирать, но Валентина упросила, чтобы всё по христиански было.

Служба длилась часа полтора. За это время все приглашённые подошли. Женщины сразу заходили в избу, мужики в сенцах курили, о покойном похорошему вспоминали. К ним подсаживались не званые на помины ромашкинцы, как бы случайно проходившие мимо и зашедшие поживиться куревом, оживляли затухающий разговор, поддерживая его до приглашения за столы.

На канон, являющийся завершающей, самой важной частью службы, Виктор позвал родню в избу к покоющим, раздал им свечи, себе три взял, две — за тётшу и жену, затеплил спичечным огоньком.

За поминальные столы сажались трижды. Первыми певчие. Виктор расщедрился для них марочным вином из тётшиной заначки, но, к своему большому удивлению, не угодил им.

— Нам бы беленькой, — попросили его.

— Всем? — проследил он за их дружными кивками, разлил по стаканчикам водку.

Выпили старушки и по второму, раздумянулись, живее заговорили. Недолго, правда, сидели. Встали, спели завершающую поминальную и потихоньку оделись. Виктор поблагодарил их, рассчитался за поминальную службу, как и полагалось, деньгами, проводил до калитки, где желающих проехать до дома поджидали запряжённые сани.

Певчих старушек сменили пришедшие без приглашения, в большинстве мужики. Эти быстро, без лишних разговоров помянули, перед уходом взяли по горстке предложенной Виктором махорки, нарубленной ещё тестем из выращенного на своём огороде табака.

Последними сели родственники. Все близкие пришли помянуть, кроме тётки Тамары, которая накануне уезжала в соседнюю деревню проведать приболевшую сестру и задержалась из-за непогоды.

Подошла она лишь к вечеру, когда все помаленьку разошлись.

— Водка кончилась. Есть марочное вино, коньяк. Что будем? — спросил у неё Виктор.

— Всё равно, — сказала она. — Давай коньяком помянем. Давненько его не пробовала.

Виктор поднял прикорнувшего на диване отца. Сели за стол, помянули. Заговорили, завспоминали...

— На двор схожу, — поднялся отец, шаткой походкой направился к выходу.

— Морозит сильно, — остановил его Виктор. — Оденься.

Он помог ему накинуть фуфайку, шапку подал.

Тётка Тамара, сильная женщина ярцевской крепкой породы, на сей раз с дороги быстро захмелела, поплакала.

— Что-то отца долго нет, — забеспокоился Виктор. — Пойду гляну.

Он выскочил не одеваясь, прошёлся по двору. Во все углы заглянул, покликнул. Отца не было. «Куда подевался? Может, справив дело, забылся во хмелю и домой к себе ушёл», — подумал Виктор, забежал в избу одеться. Попросив тётку Тамару немного подождать, быстренько дошагал до родительского дома.

На двери висел замок. Он осмотрел двор, перешёл дорогу, к брату постучался.

— Не заходил, — сказал разбуженный Саша.

— Одевайся, поищем...

Они обошли все предполагаемые места, куда мог зайти отец. Побывали и на ферме у мужа тётки Тамары, который после помин так крепко уснул в своей сторожке, что еле добудились, и к Фролу, куму отца, заглянули, и на гумно поднялись, где, как им показалось, кто-то прошёлся между омета́ми.

— Может, к Марьиной подался, — предположил Саша. — Привычка у него по пьянке молодость вспоминать.

— Не должен бы... Разбежались-то по-настоящему.

На всякий случай дошли, постучались.

— Отец случаем не здесь? — спросил Саша у откликнувшейся на стук Марьиной.

— Спит. Поднять?

— Пускай отдыхает, — сказал Виктор успокоенно, ругнулся только неслышно: — Вот ведь кобель какой! Ищи его... Отбрею же завтра.

Он позвал брата к себе:

— Пойдём посидим с тёткой Тамарой. Заждалась, поди.

Тётки Тамары в избе не было.

— Не выдержала, ушла. Дойдёт ли? — заволновался Виктор.

— Дойдёт. Не впервой.

— Удостовериться не мешает. Мало ли что...

Не раздеваясь, они присели за стол, немного согрелись коныняком и вновь вышли на улицу в морозную темень.

— Ну и ночка выдалась, — вздохнул Виктор. — Поисковая!

Тётку Тамару они нагнали на огородах. Напрямую, через речку, решила она пройти к себе, упорно боролась с глубоким снегом. Братья помогли ей одолеть остаток пути, в окружную, по чищенной бульдозером дороге, вернулись обратно, разошлись по своим домам.

— Слава Богу, все определились, — облегчённо вздохнул Виктор.

Только сейчас он почувствовал, как сильно устал. Еле добравшись до койки, он уснул сладким сном человека, завершившего трудное, очень важное дело.

На следующее же утро Виктор собрался в больницу. На горку поднялся, на дорогу, ведущую в райцентр. Казалось, в окружающем зимнем однообразии ничего не изменилось. Тот же привычный сарай во дворе, та же прокопчённая банька, те же знакомые с детства саманные избы вдоль улицы, та же незабываемая ветловая рощица за речкой да вкруговую безбрежная белая степь, лишь с одной стороны отгороженная лесом... Но проглянуло солнце, и с первыми его лучами преобразилось всё. Оттаяли, засинели окна. Женщины, скрипнув схваченными морозом калитками, у водяной колонки собрались, как раньше возле колодцев бывало, последние новости обсудить. Словно какой-то гениальный художник белой краской разных тонов и оттенков расписал степь. Бессчётными звёздочками-снежинками посверкивал снег на солнечных склонах бугров. В овражках же, затенённый, задумчиво тускнел он, утрамбованной серой лентой лежал на проезжей дороге...

Загляделся Виктор на эту красоту, чуть было не упустил жигулёнка. Хорошо, водитель сам тормознул, просигналил.

— До Токаревки не подбросишь? — обрадовался машине Виктор, настоявшийся уже в ожидании попутки.

— Отчего же не взять, — знакомо улыбнулся водитель. —

Садитесь, дядя Витя. Карета подана.

— Жора, ты? — удивился Виктор земляку-ромашкинцу, с которым лет двадцать не виделись.

— Признал всё же?

— Признал. Неожиданная встреча! Слышал, на Севере ты денежки большие заколачиваешь, в родные края носа не кажешь.

— Есть такое... Грешен. За деньгами о доме забыл. Потянуло вот...

— Знакомое чувство. Сила притяжения действует. Я тоже уезжал. Четыре года, как вернулся. Не жалею.

— Может, и я расчёт возьму. Домик рядышком в городе посмотрю или в деревне пристроюсь. Деньги есть. Машиной вот обзавёлся. Покатаюсь, пока в отпуске. Не возьму с собой, братану оставлю. Ещё одну пригнать хочу. В случае чего продам её здесь с выгодой. Разговоры ходят, что с деньгами власти чудить начнут. Ещё сгорят на сберкнижках. Как думаешь?

— Вряд ли... Но лучше, конечно, в оборот их пустить. Надёжность гарантирована. Хотя советчик я плохой. И чужими деньгами не распоряжался, и своих накоплений не имею. Это ты молодец, умудрился капитал сколотить. Небось холостяком числишься и в общежитии прописан?

— Угадал, — не погрустнел весёлый Жора. — Не тороплюсь с женитьбой, выбираю всё.

— Дождёшься, смотри, дедом тебя кликать начнут чужие детки. Пора бы своих завести...

Легко бежали новенькие «жигули», быстро докатили до больницы.

Жора вышел следом за Виктором из машины размяться немного. Высокий, на целую голову выше Виктора, глянул на хмурые облака, наползавшие на солнце:

— Ну и погодка. Опять, похоже, заметелит.

— Степной климат, резко континентальный, зато родной, — заметил Виктор. — Куда сейчас?

— В город покачу, к братану.

— Будешь в деревне, заходи.

— Долго ещё пробудешь?

— Пока тещу не выпишут. Надеюсь, скоро. Не хотелось бы весь отпуск потратить. Половину его на май бы сохранить. Красивое время! В цвету всё, в зелени... Люблю в эту пору вокруг деревни побродить, детство вспомнить.

— И футбольный мяч за вёслами не мешало бы погонять, — добавил Жора. — Теперь-то мы вашему году не уступим. Старее те вы, а мы самую силу набрали. Как-никак на пять-семь годков моложе.

— Слепой сказал: «Посмотрим!» — улыбнулся Виктор. — Только трудновато всех футболистов собрать. Разъехались, но потихоньку возвращаться начинают. Глядишь, скоро организуем турнир, посмотрим, чья возьмёт.

Анна Трофимовна ожидала Виктора, увидела его в окошко, навстречу вышла.

— Очень рада видеть, — сказала она, не скрывая радости. — Признаться, испереживалась вся. Как добрались в буран?

— С божьей помощью и вашими молитвами, — улыбнулся он.

— Не смейтесь. Я и в самом деле молила Всевышнего о благополучном исходе. Не однажды ночью вставала, в окно вглядывалась. Начатый коньяк допила.

— Без меня?! — Виктор был в хорошем настроении, позволил себе немного потрепаться. — А как же с нашим уговором?

— Давайте забудем эту историю, — посерьёзнала Анна Трофимовна. — Мне, право, стыдно за своё поведение. Простите уж.

Виктор искренне удивился, на другое разговор перевёл:

— Как тёща?

— В сознание пришла.

— Далеко до выписки?

— Не будем спешить. Болезнь нешуточная.

— Понимаю, Анна Трофимовна. Всё же поконкретнее бы знать.

— Возможно, через недельку-другую разрешу её в деревню забрать. Подчёркиваю, в деревню. В город рискованно пока везти её, расстояние большое. Да и с чисто психологической стороны разумно побыть с нею дома некоторое время, постепенно к городу готовить. Придётся

потерпеть, с работой как-то улаживать...

— За жену переживаю, — вздохнул Виктор. — Сами знаете, в каком она положении. Профессору скоро ей нужно показываться.

Анна Трофимовна достала платочек из кармана белоснежного халата, нового, как приметил Виктор, подлиннее, чем прежний, промокнула повлажневшие глаза.

— Не нужен ей профессор, — сказала тихо.

— Что случилось? — сразу почувствовал неладное он. — Говорите же скорее.

— Не перебивайте только, — попросила она. Помолчала, собираясь с мыслями, медленно заговорила: — Перед пургой взялась ваша жена в одиночку матери простынку менять, чего раньше не делала, береглась. Помочь некому было. Подождать бы ей подмоги, себя пожалеть. Да куда там... Елену же где-то носило. Оказалось, в кабинете с Василием Васильевичем убиралась... Ну, это я к слову, не обращайтесь внимания. Вот и надорвалась, бедная. Следом второе потрясение. В разгул пурги за вас волноваться стала. Объявившаяся наконец-то Елена успокоила её, что у меня переживаете вьюгу. От Василия Васильевича узнала о люстре, будь неладна стекляшка эта! Мыслишка и появилась у неё ревностная. Совсем ей плохо стало. Василий Васильевич, как назло, поздно домой появился, с

помощью опоздал, — Анна Трофимовна снова платочек в ход пустила. — Словом, выкидыш получился...

Хотя врачи не однажды предупреждали Виктора о возможных последствиях и он внутренне был готов ко всему, всё же случившееся потрясло его.

— Пойду я, — сказал он. — Валентина в палате?

— Да. Вдвоём они остались. Елена уехала. Попробовала бы не выписаться! Объяснились мы тут втроём, разобрались. Уж простите, что так вышло...

Валентина не сразу заметила мужа, подсевшего на краешек её койки. Лежала, думала о своём. Волосы, разметавшиеся по белой подушке, казались особенно чёрными. Красивое даже при такой душевной боли лицо было бледное и отрешённое от всего.

Он тихонько коснулся её руки.

— Ты?! — обрадовалась она мужу и тут же потухла, заплакала. — Не сберегла я...

— Ничего, ничего, — говорил он, ладонью вытирал её слёзы, гладил неприбранные волосы.

— Не сберегла... Прости, — всё повторяла она.

Виктору до слёз было жалко её, вопреки всему и всем решившюся родить.

— Всё будет хорошо, — успокаивал он жену. — Вот увидишь...

Он рассказал ей, как прошли помины, долго сидел, глядя на неё, незаметно задремавшую.

Зашевелилась тёща, позвала слабым голосом:

— Валя...

Он осторожно высвободил свою руку из Валиной, пересел к тёще, улыбнулся ей.

— Витька? Приехал?

— Приехал. Как чувствуешь себя?

— Мучаю вас.

— Скоро выздоровеешь. В гости к нам в город поедешь. К внуку. Хочешь?

— Домой надо... Зорька там.

— А давай продадим корову. Мы хорошо зарабатываем, молоко всегда сможем купить, сколько пожелается. Зачем зазря мучиться?

— Нет! Что ты, Витька?! — на глазах Дарьи Григорьевны проступили слёзы. — Зорьку никому не отдам.

— Ладно, ладно... Не будем продавать, — поспешно отступился Виктор. — Выздоровливай скорее.

16

Новый год Виктор встречал у Саши. Пили собственного производства первачок, крепкий, под семьдесят градусов, очищенный марганцовкой и на травах настоящий.

Не одну стопку принял Виктор, захмелел изрядно и вместе с отцом, собравшимся домой, тоже поднялся.

— Пойду провожу батю, чтобы опять не зарулил к зазнобе какой, и спать завалюсь.

К отцу он не стал заходить, подождал, пока в избе погаснет свет, и неспешно направился к тёщиной избе.

В такую чудную новогоднюю ночь с отвесно сеющим снегом при несильном морозце грех не прогуляться по родной деревне, встречных обнять, с Новогодьем поздравить. Но привычная к раннему зимнему сну и подъёму деревня и на сей раз осталась верна себе.

Всё же встретила Виктору живая душа. Довольно молодая, не увядшая ещё красотой разведёнка, и при муже любившая выпивку, без него же и вовсе пристрастившаяся к зелью, поравнялась с Виктором:

— С Новым годом!

Вгляделась, узнала:

— Витёк, ты? Вот не думала тебя встретить.

— Тоня, если не ошибаюсь?

— Тамара я. Тоня старшая у нас. В городе живёт. Пробовала и я, как с мужем разбежались, к ней притянуться. Не получилось из меня городской крали. Трамвай надоели, порядки на швейной фабрике не понравились. Строго уж больно: то нельзя, этого не делай... В деревне лучше и свободнее дышится. Ты как, Витёк?

— Нормально, — сказал Виктор. — В отличие от тебя терплю пока городские порядки. Хотя тоже по-разному бывает. И в деревню тянет.

— Тёщу не выписали?

— Должны вот-вот... Ну ладно, Тамара, пошёл я. Бывай. С Новым годом тебя!

— Погоди, Витёк, — остановила она его. — Знаешь, просьба у меня. Не найдётся чего горячительного для поправки здоровья? Голову сильно ломит. Зря вздремнула. К Генке Лизутину ходила, замок на двери поцеловала. Вот к подружке, соседке твоей, пришла — не достучалась... Выручишь?

— Поможем, — неожиданно сказал Виктор. Разгулялся он, сон перебил, решил с Тамарой немного посидеть, о деревенской жизни послушать.

— Нормальный ход, — повеселела она, засеменила следом за Виктором по узкой тропинке, ровненько устилаемой падающим снежком. — Век тебя не забуду, Витёк.

В передней сидели, при свечах, как гостя попросила. Виктор не жалел, что зазвал Тамару, многое от неё про деревенских узнал. Пусть с точки зрения гулящей бабы, зато высказывающейся откровенно.

Часы пробили четыре утра.

— Ого! — удивился Виктор. — Хватит стольничать. Пора и спать.

— Конечно, — обрадовалась Тамара. — Я уж сама хотела предложить.

Привычно и ловко, несмотря на порядочное количество выпитого, она стянула водолазку, скинула юбку и всё остальное нижнее.

— Да я не в том смысле, — хотел было возмутиться он её поведением, но при виде обнажённого, ещё не утратившего гибкости тела что-то вспенилось в нём. Буйная кровь, подогретая хмелем, прилила к вискам, разбудила взывающую к безрассудству плоть...

Он задул свечи, нетерпеливо стал раздеваться. Тамара помогла ему в этом, торопила.

Лишь в постели, готовый уже слиться в единое с прильнувшей к нему женщиной, Виктор спохватился. Он представил не просыхающее от слёз бледное лицо жены с теньвыми полукружьями под глазами, выдохнул, отстраняясь:

— Не могу!

— Можешь! — Тамара жадно вцепилась в него, тянула на себя. — Ещё как можешь! Я же чувствую...

Но миг безрассудства прошёл. Виктор спокойно разнял Тамарины руки, оделся. Заставил одеться и Тамару.

— Зря ты, Вить, отказался... Испортил всё, — грустно сказала она на прощание.

— Бывает, — ответил он. — Извини.

17

Надежды Виктора на скорое выздоровление Дарьи Григорьевны не оправдывались. Болезнь заметно сдала, но довольно ещё цепко удерживала больную в постели.

— В любом случае к себе её придётся везти, — сказал Виктор жене. — Там долечивать будем.

— Я тоже так думаю, — согласилась Валентина. — Собирайся потихоньку.

Виктор начал готовиться к предстоящему отъезду, домашним хозяйством тёщи занялся. Всё неплохо разрешалось. Лишь по корове, любимице Дарьи Григорьевны, выходила заминка. Родственники с обеих сторон были предпенсионного возраста. Ради добавочных буквально двух-трёх десятков рублей пенсии они ломали себя на физически изматывающей колхозной работе и побаивались взять на свои плечи ещё одну обузу. У каждого из них и без Зорьки двор теснился от скотины. Отец Виктора, правда, намеревался забрать вместе с овечками и курами корову, но при условии, если невестка, Сашина жена, согласится доить её и молоко обрабатывать. Та же наотрез отказалась, ссылаясь на вечную свою занятость, хотя такое объяснялось её личной неприязнью к свёкру, чего она особо и не скрывала.

— Покуражился в своё время вволю, угробил жену, — не раз слышал Виктор от неё, до грубости прямой на слово. — Теперь вот благопристойным старичком прикидывается, как правильно жить, учит...

— Матери жилось и впрямь несладко, — частично принимал её прямоту Виктор, сам оказавшийся

свидетелем многих необузданных поступков отца. — Но нельзя же быть такой до жестокости бессердечной.

Естественно, горделивый, себя уважающий свёкор той же монетой отплачивал невестке, лишний раз не заходил к ним и внуков конфетами не баловал.

Приходилось вынужденно продавать корову, чего категорически не хотела Дарья Григорьевна.

— Жалко Зорьку, — вздыхала она ответно на уговоры дочери и зятя. — К тому же отелится скоро. Вовсю причинать уже должна. Заметил?

— Круглеет, — говорил Виктор.

— Вот видишь...

— Вылечишься, новую купим, — выискивал он довод за доводом. Резко нельзя было с нею разговаривать, на её состоянии отражалось. — Телёнка от Зорьки, скажем, а?

Уговорил всё же.

— Ладно, продай, — всплакнувши, наконец согласилась она. — Только в хорошие руки Зорьку отдай, чтобы не мучилась бедная, к ласке привычная...

Покупатели не заставили ждать, в тот же день, как Виктор объявление в людных местах вывесил, подходить стали. Выбор Виктора пал на бывшую тещину соседку Катерину Васильевну, недавно купившую дом рядом с дочерью, вернувшейся в деревню с мужем, тверским мужиком

Юрием Шишковым. Одним хозяйством на два двора они жили, потому Катерина Васильевна, предварительно посмотрев корову, за зятем сходилла:

— Пусть глянет. Хозяин-то всё-таки он.

Зорька повернула к ним рогатую голову, не нашла свою хозяйку и снова сеном занялась.

— Прочинает, — сказал Виктор, запомнив услышанное от тещи понравившееся ему слово. — Вот-вот одарит...

— Берём, — сказал Юрий, оставшийся довольным коровой. — За приплод, естественно, добавим.

— Заодно и сено заберите, — предложил Виктор.

— Дельная мысль. Заберём. Так сколько за всё?

— Торговаться не стану. Вы лучше меня и в коровах, и в ценах разбираетесь. Сами решайте. Я в избу пойду, бутылочку организую. Посоветуйтесь наедине и заходите.

Когда сделка состоялась, Виктор разлил по стаканам коньяк:

— Не обижайте Зорьку. Дарья Григорьевна о том очень просила.

— Не обидим.

Выпили, чуть посидели для приличия, забирать корову пошли. Катерина Васильевна действовала согласно старинному ритуалу. Попросила в ведро насыпать немного дроблёного зерна, из кармана фуфайки достала принесённую для такого

случая крепкую бечёвку, двойной петлёй захлестнула коровьи рога. Юрий потянул за верёвку. Корова недоумённо посмотрела на него, недовольно мотнула головой, упёрлась: мол, чего ещё удумали? Катерина Васильевна словно поджидала этого, поднесла Зорьке ведро с дроблёнкой, ласково заговорила:

— Ну, чего же ты упёрлась, чего насторожилась так-то? Пойдём же, миленькая, за ведром. Видишь, оно хозяйки твоей прежней, теперь наше будет, как и ты. Пойдём.

Зорька уловила хлебный дух дроблёнки, испробовала на вкус, глянула на Виктора, словно спрашивая, как быть.

— Иди, чего уж теперь-то, — сказал он. — Заболела твоя хозяйка. Серьёзно заболела. Не может за тобой ухаживать. Поэтому-то и разрешила тебя в хорошие руки отдать. Иди, не бойся.

Послушалась Зорька, двинулась за Юрием. В калитке остановилась, повернула голову к сараю, мукнула трижды и, хватанув дроблёнки, без оглядки пошла следом за новыми хозяевами.

«Попрощалась, — подумалось Виктору. — Скотина, а понимает».

Вскоре и сено Шишков забрал. Большую тележку нагрузили, на колёсном тракторе «Кировец» увезли. Только отметина от высокого стога осталась, да шустрый ветерок гонял по двору клоки сена.

Взгрустнулось Виктору. А когда ещё и овечек отогнал к отцу, и курочек в мешке отнёс, и вовсе тоскливо ему стало.

— Надо же, как за душу взяло! — удивился он, оглядывая осиротевший на его глазах двор. — Каких-то полмесяца похозяйничал, а уже не могу равнодушно на такой разор смотреть. А каково теще?

18

Перед Рождеством Анна Трофимовна всё же смилостивилась, разрешила забрать больную в деревню.

— В город ещё рано, — огорчила она Ярцевых. — Окрепнет пусть. Подъеду на днях посмотреть, тогда и определимся окончательно.

Виктор с Марьиным, и на сей раз не отказавшим в просьбе, с трудом довели Дарью Григорьевну до машины. Медленно ехали, особенно перед самой деревней, где выбитая до глубоких колдобин неасфальтированная часть дороги не выровнялась даже обильным в эту зиму снегом.

В избу Дарью Григорьевну почти внесли. Сильно она устала, но заметно повеселела.

В доме было чисто и свежо. Виктор постарался как никогда, полы накануне вымыл, перины и одеяла вытряс...

— Протопи голландку, свежо вроде, — сказала Валентина мужу, проводившему Марьина. — А я обедом займусь.

Виктор стал очищать золу.

— Трубу открой, — заметила Дарья Григорьевна оплошность зятя. — Пусть пыль вытягивает.

Он выдвинул обе задвижки, поинтересовался:

— Ну как, мать, дома лучше?

— Хорошо. В своей постели теперь и умереть не страшно, — заплакала она, но чувствовалось, что слёзы лёгкими были, не горючими.

Виктор уловил это, пошутил, подбадривая:

— Рановато об этом думать. Легко хочешь отделаться от нас. Вот на свадьбе внука спляшешь, правнука вынянчишь, тогда и видно будет.

Он дочистил голландку, вынес золу на огород, принёс дровец из дощатого сарайчика, разжёг огонь. Долго сидел, заглядываясь на плещущее по дубовым поленцам жаркое пламя. Покойно было на душе, беззаботно. Не нужно ехать в больницу, смотреть за скотом, готовить съестное... Главное, тёща повеселела. Скоро, значит, в город её можно забрать, где уже заждались сын-студент, оставленный на Антонину, да и на заводе, поди, ждут не дождутся: новый год начался, работы вволю.

— Завтра утренним автобусом поеду, — решил он. Дождался, пока догорят последние головешки, чуть приоткрытыми оставил задвижки, чтобы остатный угарный газ выдохся, тихонечко вышел из передней, стараясь не потревожить задремавшую тёщу.

Но Дарья Григорьевна не спала, о своём думала. Повыше голову на подушку поднять умудрилась, заново, впервые словно, стала оглядывать до боли привычную ей обстановку избы. С шифоньера начала обзор. Лет тридцать минуло, как на новоселье купили они его на последние деньги, оставшиеся после постройки саманной избы. Зарабатывались эти деньги на шахте в далёком среднеазиатском Ангрене, куда молодой Вася Фёдоров жену свою, красавицу Дашу, с пятилетней Валечкой повёз счастье искать. А счастье-то, оказывается, без родимых корней короткое, непостоянное. Быстро домой вернули они, возвратные эти корни, двух лет не прожили там. Дарья Григорьевна припомнила те дальние годы с тёплой улыбкой. Всё же интересные они были. На большое зеркало взгляд перевела, которое попозже, обжившись, приобрели. Не фабричное трюмо и не трельяж, а самодельное, местным краснодеревщиком искусно обрамлённое, с фигурами всяческими, на станке токарном из мягкого дерева выточенными. Полюбовалась им Дарья Григорьевна, на броский ковёр, что над второй койкой издавна висит, глянула. Бездарный художник малевал его. К тому же густо наложенные на ткань краски давно потрескались и поблёкли, но Дарья Григорьевна и не думала менять ковёр, даже не разрешила зятю, неплохо владеющему кистью,

подрисовать картину. В первую очередь Виктор собирался подправить неестественно тонкую, неживую руку пышногрудой красавицы, сидящей в плетёном кресле и улыбающейся белым лебедям на синей озёрной глади. Упрямство Дарьи Григорьевны объяснялось тем, что изображённая на ковре женщина была очень схожа с ней и лицом, и телом...

«Теперь полное сходство будет, — подумала Дарья Григорьевна. — Моя правая рука тоже усохнет скоро, ни в какую не хочет слушаться».

Стали бить часы.

— Ходят! — обрадовалась она вслух. — У других такие точно, купленные одновременно с ними, отстучали своё, давно уже выброшены. Эти же на солярке держатся, не ржавеют. Умел их Вася мой промывать, каждую шестерёнку в отдельности. Надолго ли хватит последней его промывки? Теперь-то за часами некому и присмотреть. Зятю недосуг всё, да и справится ли? Плохо без хозяина. Дай-то Бог ему всего доброго на том свете. Может, там очень скоро и встретимся с ним. К тому дело идёт. Хотя и пожить бы надо ещё немного, внука женить, Васе потом всё рассказать. Уж очень он хотел свадьбы внука дожидаться...

Дарья Григорьевна замолчала, послушной левой рукой перекрестилась на икону:

— Прости, Боже праведный, что левой рукой крест кладу.

Правой, как положено, не могу. Прости, если можешь. Дай мне на ноги встать, исцелиться помоги...

19

Проводив мужа в город, Валентина тоже стала готовиться к скорому отъезду. Перестирала всё и выгладила, посуду перемыла, до блеска начистила. Материнскую одежду пересмотрела, самое необходимое увязала в удобные для переноски узлы. Определилась и с продуктами, которые в город с собою возьмут. Осталось добро от врача получить да мужа телеграммой вызвать с машиной.

Но Анна Трофимовна не торопилась с разрешением.

— Ещё малость подождём, — осторожничала она. — Не будем рисковать ради нескольких дней.

Медленно тянулось время ожидания. Короткие зимние дни казались Валентине длинными-предлинными, а долгие бессонные ночи и вовсе бесконечными.

Реже стали заходить родственники и подруги матери. В охотку наговорившись с больной, своими делами занялись. Оттого ещё тоскливее Валентине стало.

Большую часть времени она уделяла матери. В нетерпеливом желании скорее поднять её на ноги значительно превышала предписания врача, мучая себя и мать массажами и физическими упражнениями.

— Сама попробуй шевелиться,
— говорила она матери. — Через
силу двигай пальцами и рукой,
кровь разгоняй.

— Не получается, — отвечала
Дарья Григорьевна, уже самосто-
ятельно, без дочери, пробуя под-
няться с постели.

— Получится, — не отступа-
лась Валентина. — Иначе до вес-
ны просидим здесь. Кому нужно
такое?

— А ты без меня езжай, — го-
ворила Дарья Григорьевна. — Не
в глухой степи же я. Приходить
будут, помогут при надобности
по доброте. Могу и заплатить в
крайнем случае.

— Если даже найдутся жела-
ющие присмотреть за тобой, не
оставлю. Что подумают обо мне,
единственной дочери?

— Плохого не скажут. Понят-
ливые у нас бабы, не осудят.

— И не уговаривай! Вопрос
решённый. Не оставлю я тебя.

— А вот возьму и не поеду! —
заупрямилась вдруг Дарья Гри-
горьевна. — Дом не хочу бросать.

— Поедешь как миленькая! —
рассерчала Валентина, вскипяти-
лась: — Ишь чего выдумала! Мало
тебе, что ребёнка из-за тебя поте-
ряла. Хочешь без мужа ещё оста-
вить? Вцепится в него смазливая
какая — потеряет голову, не усто-
ит... В самом соку ведь мужик!

Дарья Григорьевна вздохнула
только, ничего не сказала.

Замолчала и Валентина, раз-
бередившая свою душу. Всяко
ей думалось, как могла настрои-
вала она себя на лучшее.

— Не таков мой Витюша! —
шептала она ночами. — Не таков,
чтобы изменить мне...

20

Утром третьего дня, как Вик-
тор приехал из деревни, его на
автобусной остановке окликнули:

— Сколько лет, сколько зим?

— Привет, Марина! Каким
ветром занесло тебя спозаранку
в наши края? — удивился он.
— Помнится, у завода возле мо-
ста-эстакады твой дом.

— С полгода, как переехали
сюда. А вы здесь живёте?

— Да. Вон в том девятиэтаж-
ном.

— Соседи, выходит. А я во
дворе, в пятиэтажном кирпич-
ном. Надо же, за такое время ни
разу не встретиться.

— Ничего удивительного. Я
по магазинам не ходок. К авто-
бусу рано выхожу, возвращаюсь
с работы поздно. Сейчас вот вре-
менно по делам семейным на ча-
сок задерживаюсь.

— Давненько и на заводе не
виделись.

— Не перекрещивались пути,
пожалуй, с тех пор, как в раз-
ных службах работать стали.
Мелькнёшь иногда в отдалении,
бывало, и всё.

— Это вы меня стороной обо-
ходите. Даже на другую должность
сбежали, — пошутила Марина. —
А я всё там же, на верхотуре сво-
ей. Расту, правда, помаленьку.

— Читал приказ о твоём повы-
шении. Поздравляю! Прежний

начальник твой, слышал, чуть ли не вторую группу инвалидности себе выхлопотал. Схитрил или на самом деле мужика скрутило? По нему не скажешь, что так.

Не договорили они. Нужный им автобус подкатил. Все, словно поджидали этот номер, ринулись к его дверям, как на приступ.

— Повезло на сей раз, — сказала Марина, когда они чудом протиснулись внутрь. — Бывает, и не сядешь в него, а то и мимо проскочит, не останавливаясь.

— Через полчаса ещё сложнее становится с транспортом, — заметил Виктор. — Самый наплыв пассажиров начинается, по выражению жены, каторга настоящая.

Замолчали. Виктор, прижатый к Марине вплотную, не без любопытства вглядывался в черты её ухоженного красивого лица.

— Ну и как? — спросила Марина, когда они вышли на ближайшей к заводу остановке и направились к центральной проходной по широкому, уже очищенному от снега тротуару.

— Что как? — не понял Виктор.

— Не подурнела ещё? Как женщине мне интересно знать ваше мнение, поскольку давно не видели меня и можете сравнивать. Вы же сравнивали меня сегодняшнюю с прежней, верно?

— Было такое. И, знаешь, нашёл тебя ещё милее, — искренне признался он, лишь о её

чуть погрустневших, без былой весёлости глазах не сказал.

— Тогда живу! — широко улыбнулась она, отчего Виктору стало хорошо и тревожно. — Не пропадайте, заходите ко мне на верхотуру.

От проходной их дорожки разбегались. Марина дальше к производственным корпусам подалась, а он с минуту постоял, глядя ей вслед, и прошёл в свой отдел на первом этаже заводоуправления.

...Виктор познакомился с Мариной четыре года назад, когда она приехала на завод по распределению. По роду своей работы он частенько встречался с Мариной, специалистом по автоматическим приборам, и незаметно потянулся к ней, на удивление умной при такой её броской красоте. «Ни к чему это. Моя Валечка ничуть не хуже», — убеждал он себя. Осторожнее стал в разговорах, при возможности уходил от встреч, боясь выдать своё с трудом скрываемое чувство, с облегчением вздохнул, когда ему другую должность предложили...

Оказалось, не угасло до конца это чувство, если теперь, увидев её, долго ворочался он в своей постели, пока не уснул в решимости не дать разгореться вспыхнувшему огоньку. Но утром опять ехал с Мариной, радуясь автобусной тесноте...

«Скорее бы Валя приехала», — не на шутку испугался он с

каждой встречей усиливающейся тяги к Марине. Другим, троллейбусным маршрутом через вокзал стал добираться до работы. Но вскорости всё же поднялся к ней на верхотуру. Марина находилась в общей, большой лабораторной комнате.

— Куда вы запропали? — обрадовалась она его появлению. — Уж собиралась розыск объявить.

— Дела, — сказал он. — Исправляюсь. Зашёл вот с повинной...

— То-то же! Ладно, прощаю на первый раз. Очень кстати зашли. На день рождения угадали.

Откланяться бы Виктору, коли нехстати угодил, что и собрался он сделать, но подрумяненная вином неотразимая Марина уговорила. Скинул он шубу, шапку снял и прошёл за Мариной за ширмочку к пиршествующей дюжине молодых людей. Никак не ожидал он такой большой компании, но ретироваться было поздно, да и посидеть рядом с желанной женщиной ему очень хотелось. Когда ещё такое представится? Может, застолье это нежданное не случайно даровано им, а чтобы могли они наконец-то определиться в своих отношениях.

Экспромтом срифмовав несколько строк, Виктор поздравил именинницу, молодую лаборантку, незамужнюю ещё, пообещал ей к завтрашнему чаю коробку конфет, если она не настаивает сделать это сегодня же.

Конечно же, за конфетами его не послали.

Как и полагается в застолье, шутили и пели, танцевали под магнитофон.

— А знаете, — уединившись в танце, неожиданно призналась ему захмелевшая Марина, — вы мне давно нравитесь своей подтянутостью, интеллектом... Я очень хотела бы... как бы точнее сказать... хотела бы, чтобы немного смелее были. Не возражаете?

— Не разыгрываешь? — не поверил Виктор услышанному.

— Разве в таких вопросах шутят?

— Но... право, не верится. Ты же для меня святыня, далёкая и недоступная, о которой...

— Нет, нет! — не дала она договорить ему. — Не желаю быть святыней. Земная я. Как всякая нормальная женщина, внимания и ласки хочу. А вы... вы мне очень нравитесь. Вот и объяснилась! Простите уж...

— За что?

— За то, что ошастливили...

Их уединение нарушил подошедший высокий светловолосый красавец:

— Именинница домой к себе приглашает. Вы с нами?

На секунду-другую она замялась:

— Да, да, конечно, иду. Соберайтесь.

Вместе с Виктором она прошла в свой кабинет, сказала, как бы оправдываясь:

— Из-за светловолосого всё.
Будь он неладен...

С удовольствием исправил:
*Уверен: горечью случайной
Не разольётся в нас оно.*

Переписал начисто, чтобы
утром передать стихи Марине.

Но в обговорённое время Ма-
рина не появилась на остановке.
Виктор пропустил три автобуса,
так и не дождавшись её, еле про-
тиснулся в четвёртый.

«Наверное, у именинницы
заночевала, — предположил он,
подленькую мысль о светловоло-
сом отогнал. — Поди, на работе
уже».

Не выдержал, сразу же по
приезде позвонил в лаборато-
рию.

— Задерживается, — на его
вопрос ответила взявшая труб-
ку вчерашняя именинница. —
Понятное дело, засиделись мы.
Поздно ушла... А как насчёт обе-
щанных конфет?

— При мне. А как с чаем?

— Будет чай. Вот Марина
Павловна подойдёт, и поставим
самовар. Ждите звонка. Телес-
фон свой скажите...

Марина позвонила ему перед
самым обедом.

— Вы уж простите меня за
вчерашнее моё откровение, —
сказала она. — Не принимайте
всерьёз. Ладно?

— Но... — начал было Виктор
и замолчал, поперхнулся словно.

— Вы не безразличны мне, —
поняла она его состояние, паузу
заполнила. — Очень даже... Но,
сами понимаете, не настолько,

чтобы... Словом, выпила лишне-
го. Простите.

— Хорошо, — выдавил он че-
рез силу. — Больше заходить не
буду. Вот конфеты только зане-
су обещанные.

«Дурак, — ругал он себя. —
Так тебе и надо! Ишь чего за-
хотел. Не твоего поля она ягод-
ка...» Он тяжело поднялся на
верхотуру, стараясь не глядеть
на Марину, передал имениннице
конфеты и, отказавшись чаёвни-
чать из-за неотложных дел, бы-
стро сбежал вниз по многочис-
ленным ступеням.

21

Наконец-то Виктор получил
долгожданную телеграмму и на
заводской «Волге», выделенной
ему по такому случаю началь-
ством, прикатил в Ромашкино.

Дарью Григорьевну провожа-
ли всей улицей. Родственники и
подруги её пришли, соседи со-
брались, проходившие мимо од-
носельчане остановились. Набе-
жавшая ребятня крутилась возле
непривычной для деревенской
глубинки «Волги», посверкива-
ющей чёрной лакировкой среди
снежной белизны.

Виктор уложил в багажник
подготовленные Валентиной
узелки, коробки, свёртки, при-
гласил в избу желающих выпить
на посошок за удачную дорогу.

Дарья Григорьевна, удив-
лённая и растроганная такими
проводами, благодарно кивала
собравшимся, поддерживаемая

дочерью, медленно пошла к машине. Каждый шаг ей давался с трудом, но держалась она молодёчки и даже добродушно поругала прослезившихся сердобольных женщин:

— Нечего мокроту разводить. Не навеки ведь прощаемся. Подлечусь вот маленько и приеду.

И только когда тронулись, Дарья Григорьевна не сдержала слёз и, не вытирая их, неотрывно смотрела и смотрела на свою оставленную избу, пока не исчезла она из виду.

22

Без приключений довезла «Волга» Дарью Григорьевну до города, до самого подъезда нужного дома. Ярцевы под руки довели её, сильно уставшую, но стойко выдержавшую длинную дорогу, до лифта, прокатили на четвёртый этаж к своей квартире.

С прибавкой нового жильца и без того тесноватая двухкомнатная квартира стала по-настоящему тесной. По-новому в ней Ярцевы разместились. Сына с Дарьей Григорьевной в спальню определили. Сами оттуда в зал перебрались. Небольшой диван купили, на всякий случай в кухне поставили.

— Стеснила я вас, — переживала Дарья Григорьевна за своё вынужденное вторжение.

— Ничего, мать. В тесноте, да не в обиде, — успокаивал её Виктор.

— Главное, вместе мы, — добавляла Валентина, в последнее время заметно повеселевшая, хотя в её карих глазах на осунувшемся лице нет-нет да и проступала не отпускавшая до конца боль о потерянном ребёнке.

— Так-то, конечно, так, — соглашалась Дарья Григорьевна. — Только ненормально всё это. Знать бы, за что нас Боженька наказал?

Она не меньше дочери страдала о случившейся потере. Осознавала свою вину. Из-за этой вины, казалось, забывала о собственной боли, вызванной внезапной болезнью с тяжёлыми последствиями. Потому терпеливо, молча сносила она нечестие, но всё же выплёскивающиеся и здесь, в городе, упрёки дочери.

«Скорее поправиться бы, — твердила она себе. Без напоминания Валентины, преодолевая боль, ходила по комнате, до изнеможения выполняла предписанные упражнения правой, не желающей слушаться рукой. — К Пасхе обязательно надо домой вернуться. Негоже избу долго нетопленной держать. Заплесневевает углами, отсыреет стенами того гляди. К тому же на неё, бесхозную, хулиганье или непросяхающая алкашня позариться может. Развелось их в деревне, сладу с ними никакого. Словно в отместку за введённый сухой закон действуют: всякими путями добывают незаработанные деньги и у спекулянтов спиртное втридорога покупают...»

С утра Ярцевы разбегались по своим делам, и Дарья Григорьевна до прихода внука с занятий из музыкального училища была предоставлена самой себе. Это время использовалось ею для физических упражнений. Держась левой, послушной рукой за кресло, до усталости пыталась становиться на правую большую ногу, пробовала двигать ею вкруговую. Потом усаживалась в кресло и занималась правой рукой: поднимала, насколько могла, шевелила пальцами... В перерывах, цепляясь за стены, добиралась до кухни, смотрела в окно, выходящее на большую оживлённую улицу.

Сегодня же упражнения ею были отменены. Передых сделала, вроде как выходной себе устроила. Постояв дольше обычного у окна, она прилегла на кухонный диван, мысленно окунулась в прошлое.

...Три годика ей было, когда у неё появилась сестрёнка. Жатва к тому времени как раз приспела. Сроки поджимали, и буквально через несколько дней после родов пришлось роженице Агафье пойти с мужем на недалёкое колхозное поле убирать рожь на отведённом им участке. Жнеек и лобогреек на всех не хватало. Вручную они работали. Острой косой низко подрезал муж Григорий высокие стебли с тугими зернистыми колосьями, валил в ровные валки. Следом

она в снопы их вязала. Без отдыха трудилась, чтобы в обед на часочек домой сбегать к деткам, на соседку оставленным. Спешила, на солнце всё чаще поглядывала.

Колхозный водовоз подъехал. Первой она подбежала. Запалившаяся вся, стала жадно пить холодную родниковую воду, с трудом оторвалась от деревянного черпака. Утолив жажду, не передохнув даже, стала укладывать в копну навязанные снопы. От внезапной боли в животе не насторожилась, не пошла к мужу, весело беседующему с водовозом, успокоила себя:

— Ничего страшного. Вот довершу копну и пойду домой.

Но довершить не успела. Усилившаяся боль заставила её опуститься на корточки. К горлу подступило внезапное удушье, лишило голоса. Она упала на стерню, попыталась подняться, но силы оставили её...

После похорон Агафьи её родственница, ещё кормящая свою дочку грудью, взяла народившуюся к себе, но не приняла та чужое молоко и к другому питанию не привыкла, так и стояла вскорости, рядышком с матерью легла на деревенском кладбище.

— Женился бы! — жалели все овдовевшего Григория, а пуще того маленькую Дашутку, пробующую уже по наущению отца полы в избе подметать.

Сызмальства Даша познала трудовую нагрузку. Не стало ей легче и с женитьбой отца, хотя

мачеха не обижала её. Напротив, старалась завоевать любовь и доверие работающей падчерицы. Но по натуре замкнутая, хорошо запомнившая свою маму девочка не могла оценить доброе отношение другой женщины, ставшей хозяйкой в их доме. Может, и не успела, потому что скоро братики и сестрёнки пошли: девочка, мальчик, ещё две девочки, ещё мальчик. Не до выяснения отношений стало. Успевай только крутиться! Как старшая, за всё отвечала...

Дарья Григорьевна даже привстала, вспомнив, как однажды при дележе привезённого отцом с базара большого медового пряника один из её братиков в нетерпеливости руку за кусочком протянул и под ножик пальцем угодил. Кровь брызнула фонтанчиком, пряник окрасила. На рёв родители прибежали. Никогда Даше не приходилось ранее видеть отца таким разгневанным.

«Хорошо, сухожилие тогда не перерезала. Затянулся порез, цел остался пальчик, — вновь пережила Дарья Григорьевна тот вспомнившийся со всеми подробностями давний случай, обрадовалась. — Вспомнила ведь! Жива, знать, память. Не отшибло!»

— Вот бы и парализованной правой стороне тела восстановиться! — воскликнула она после такой встряски, стала энергично массировать больную руку.

Утомившись, прилегла и вновь окунулась в своё прошлое.

...Единственной отдушиной от бесконечных домашних дел для Даши была школа, но недолго проучилась в ней. Только-только писать и читать научилась, как отец забрал её:

— Хватит с тебя и этого! Расписаться и деньги сосчитать можешь — и ладно... Дома дел невпроворот.

— Зря ты, Гриша, от школы дочку отлучаешь, — пытался отговорить его директор школы. — Она же, вижу, смышлёная, к учёбе тянется. Каково ей будет необразованной-то?

— Не пропадёт! К чему ей грамота? И без того при её красоте отбоя от женихов не будет.

Верно он рассудил. Многие парни стали на юную красавицу заглядываться. Не успела Даша даже поневеститься, как сосватали её. И как раз директорский сынок, учившийся в институте, будучи на каникулах в деревне, настойчивее других оказался и добро на Дашу у Григория Тимофеевича получил...

Дарья Григорьевна снова привстала, растревожилась.

...Не совсем ко двору пришлась она на новом месте, куда после свадьбы перевезли из родительского дома её сундук со скудным приданым. Насторожённо встретила её свекровь, неласково приняла, хотя и смогла перед народом спрятать недовольство за наигранной улыбкой. Вскорости своё истинное лицо показала, поучать стала, всячески укорять, отчего

у невестки всё из рук валялось. Интеллигентный свёкор не вмешивался в женские дела, даже иногда, Даша слышала, одёргивал жену, но, по существу, и он был недоволен неожиданным выбором сына и считал его совершенно ошибочным.

Терпела Даша. Ждала окончания мужем учёбы, чтобы затем поехать к нему по месту его работы. Потому и мирилась с унижительным своим положением в чуждом для неё доме.

Понапрасну надеялась на мужа. Под влиянием матери он скоро сильно переменился в отношении к ней. В безграмотности стал её упрекать, иной раз даже душой обзывал. Выскивал разные причины, чтобы как можно реже приезжать в родной дом. Потом и вовсе от жены отвернулся. Письмом сообщил ей, что сошёлся с другой, и на развод бумаги прислал, которые свёкор её, на радость свекрови, отнёс в сельсовет, где они год назад расписались.

Даша приняла всё как должное. Даже не сообщила мужу и его родителям о своей беременности. Молча собрала узелок и ушла домой, не взяв ни одной чужой вещички, кроме балалайки, по её просьбе на день рождения подаренной расщедрившимся мужем...

— Эх, балалаечка моя, старая подруженька... — пропела вдруг Дарья Григорьевна, здоровой рукой провела по груди, страх-

нула с души, будто шелуху подсолнечных семечек, неприятные воспоминания.

— Оказывается, бабуля поёт, — удивился заглянувший на кухню Игорёк. — А я думал, по радио. Что празднуем?

— Вспомнила вот молодость, — смутилась Дарья Григорьевна. — Как твои дела, внучек?

— Всё по плану. Сейчас — обед, а через пару часиков — концерт...

Под руководством бабушки Игорёк подогрел обед, накрыл на стол. Не спеша поели. Потрепировавшись на баяне, Игорь отправился в училище.

24

Проводив внука, Дарья Григорьевна по устоявшемуся распорядку улеглась на свою кровать и незаметно уснула. Деревенский отцовский дом ей приснился.

— Научи на балалайке играть, — стала просить пришедшая к ней толстушка Лиза, по-уличному Лизок, одногодка двадцатилетняя.

— Давай попробуем, Лизок, — не отказала Даша. — Держи балалайку.

Присела рядом. Показывала ей, как играть, терпеливо водила её пальцами по струнам.

— Не получается, — заплакала Лизок.

Даша взяла у неё балалайку.

— Не плачь, Лизок. Давай лучше о любви споём.

— Не получается, — продолжала лить слёзы Лизок. — Потому и не любит меня Вася.

— С чего ты взяла?

— Потому что ты его завлекаешь, — она вдруг набросилась на Дашу, стала вырывать балалайку из её рук. — Отдай завлекалку. Разобью я её, чтобы не тревожила игрой моего мужа.

— Никого я не завлекаю и не тревожу...

— Ещё как завлекаешь! Не слепая! Ишь какая! Своего не удержала, так на чужих виснешь! — не женственная, в злобе своей ещё более неприятная толстушка глыбой навалилась на стройную красивую Дашу. — Отдай! Кому говорю?!

— Помогите! — закричала Даша, но голоса своего не услышала...

— Помогите! — закричала следом во весь голос и Дарья Григорьевна, отчего устроившаяся в её ногах кошка соскочила с кровати и запряталась под ней. — Помогите же! — повторила она и... проснулась вся в поту, с минуту озиралась вокруг, не понимая, где она и что с ней происходит.

— Приснитя же! — наконец-то придя в себя, нервно рассмеялась она. — Такого наяву никогда ведь не было. Лизок и вправду до меня была женой Васи, но мы с ней даже не ссорились из-за него. По другой причине Вася от неё сбежал. Мы с ним позднее сошлись, когда уже по-настоящему я овдовела. Видно, наказал Бог моего первого

мужа. Умер он вскорости, как бумаги на развод прислал. Я их и не видела, и видеть не хотела. Сельсоветовским, меня вызвавшим, сказала: «Я же в отличие от него неграмотная, дура к тому же, в бумагах не разбираюсь. Делайте что хотите». И меня Бог не миловал, первенца лишил: выкидыш у меня получился. А может, напротив, смилостивился тем самым? Один он, Боженька, правду знает.

...А балалайка всё же сыграла решающую роль в Дашиной судьбе. Как, впрочем, и в Васиной. С неё, трёхструнной, и началось у них с Васей.

После предательства мужа Даша замкнулась в себе, в домашних делах растрчивалась, а в редкие часы отдыха с балалайкой сидела. Вначале одна на ней тренькала, потом младшего братика играть научила, чтобы веселей было. Музыкальные способности у него проявились при таких посиделках. Не поспешил отец, гармошку купил. По музыкальной линии он и двинулся впоследствии в училище, хорошим баянистом стал.

Замечательно играли Даша с братцем на балалайке, но куда было им до Василия, соседа через двор. Заслушивалась Даша его наигрышами, ворочалась ночью в постели. Ей и раньше, до замужества, нравилось слушать Васю. Нравилась и взгляды его робкие, достаточно красноречивые. Похоже, тогда ещё сдружилась бы их балалайка, да женился

Вася на Лизе и к ней перебрался на другой конец улицы. За кусок хлеба, считай, заставила мать сына на ней, нежеланной, жениться. Уж очень бедно жили они. Семеро по лавкам, и без отца-кормильца. Васина балалайка и та наполовину самодельной была, собранной им из найденных в хламе за избой-читальней балалаечных деталей. Подкормился Василий в новом семействе, подобрел с виду. Только всё равно рядом с толстушкой-женой мальчишкой выглядел. Старался как можно реже с ней на людях появляться, усмешек дружков боялся. Почти в открытую подтрунивали они над ним. Однажды и вовсе обсмеяли его, впору сквозь землю провалиться. В сенокосном июне это случилось, на бригадном дворе возле конюшни. При выезде со двора не справился он с норовистым конём, зацепился колесом своего рыдвана за телегу, на другие подводы наехал, застрял среди них. Как говорится, ни влево ни вправо, ни взад ни вперёд. Хотел телегу от колеса отодвинуть, да куда там, силёнок не хватило. Тут как раз Лизок появилась, быстрее других на помощь муженьку подоспела. Взялась за телегу, чуть ли не подняв её, оттолкнула в сторону, заодно бричку, вставшую рыдвану поперёк, откатила.

— Эх, Вася, Вася, я снеслася, — беззлобно, дружно засмеялись видевшие всё это мужики. — С женой тебе надо одёжкой поменяться.

Не вынес Василий такого позора. Вечером же ушёл от жены. Ни слёзы Лизы не остановили, ни уговоры матери, пригрозившей закрыть перед ним дверь родной избы.

— В бане буду жить, чем с ней, — было его окончательное решение.

Вскоре после этого они и сошлись с Дашей, уходу которой от мужа тоже не были рады в родном доме. Квартирантами в пустующую избу ушли, с нуля жить начали. Без отдыха работали в колхозе. Он прицепщиком по две смены пыль глотал, она по разным работам безотказно ходила. Обжились было маленько, повеселели, как Василия на армейскую службу призвали. Без него Даша дочку родила. К его возвращению подросла она, не признавала отца.

— Вот мой папка, — показывала на его фотографию. — Не подходи к мамке. Уходи от нас...

Дарья Григорьевна улыбнулась давнему, растрогалась, всплакнула даже, дальше завспоминала.

...После возвращения Василия из армии лет пять они до хорошей жизни добирались. Наконец-то избу себе новую справили, мебель купили, приоделись. Само собой, живностью обзавелись, с большого огорода хороший урожай собирали. Деньжонки у них появились, сберкнижки завели. Дочку выучили, в городе определили. На её свадьбе Дарья Григорьевна

зятю автомашину «Волгу» подарить обещалась. Услышать такое от осторожной, многие годы в буквальном смысле нищенствующей женщины многое значило, о её устоявшейся уверенности говорило.

Словом, обеспеченно, душа в душу жили они. В колхозе по-прежнему безотказно трудились: она на разных сезонных работах, он трактористом. На хорошем счету в колхозе был Василий Петрович, самые ответственные работы выполнял на гусеничном тракторе, оборудованном бульдозером. Успевал и односельчанам помогать по вспашке огородов, перевозкам, выравниванию дворов и подъездных дорог к ним. При этом денег с них не брал, но от самогонного магарыча не отказывался. Постепенно пристрастился к выпивке. Да так сильно с «зеленоглазой» сдружился, что дня не мог без неё обойтись. Важнее работы она ему стала. Вернее, на тракторе вместе с ним ездила. Однажды мимо моста его трактор направила, чуть к гибели не привела. Хорошо, что трактор был с бульдозером, который, над речкой повиснув, в противоположный берег упёрся. Милее жены водка была. Попытки Дарьи оторвать мужа от «зеленоглазой подружки» не приносили результата. Ничего лучшего не придумала она, как самой выставлять ему на ужин спиртное:

— Пусть уж лучше дома пьёт, спокойнее будет.

Эта придумка помогла Василию уменьшить дозу питья на работе и по-прежнему быть востребованным трактористом. Но ненадолго. Событьльникам по работе не мог отказать, раз за разом опять притянувшим его в свою компанию. Словом, пил, не просыхал Василий. Лишь когда дочь с зятем и внуком в отпуск из города приезжали, умерял свой пыл. Накануне их очередного отпуска про балалайку вспомнил, повертел её в руках, пожалел:

— Отыграла своё. Струна порвалась, закрутки заржавели... Рассохлась вся, растрескалась, того гляди рассыплется. Новую надо по почте выписать.

Вовремя её прислали, вместе с телеграммой от дочери, сообщающей, что завтрашним утренним автобусом они приедут. После работы сразу же занялся Василий балалайкой, натяжку струн регулировал, пальцы тренировал. Даже о выпивке забыл. Утром пораньше к отцу Дарьи сходил, баян её братишки принёс для внука Игорька, который в музыкальной школе учился, сказал жене, пробующей на балалайке сыграть плясовую:

— Вот теперь полный порядок! Можно и гостей встречать. Пойду-ка потихонечку к автобусу. Скоро должен быть. Заодно к бригадиру зайду, отпрошусь на пару денёчков. Думаю, не откажет. Посевную завершили, до сенокоса далековато...

...Усевшись под берёзой в

палисаднике, слаженно играли дед с внуком, настоящий концерт устроили. На бис просили их повторить «Златые горы» и «Коробейников» набежавшие слушатели. Дивились они игре городского баяниста, которого из-за баяна еле видно было, а ещё пуще были поражены своим деревенским балалаечником. Многие из них, молодых, пожалуй, впервые видели дядю Васю трезвым и весёлым. О его музыкальных способностях, конечно же, даже и не слышали!

Когда все разошлись, внук обнял деда:

— Молодец, дедушка! Классно сыграл!

— Получилось! — удивлялся самому себе Василий Петрович. — Выходит, не пропил ещё талант.

— А ты не пей, дедушка, здоровье береги. Балалайкой занимайся побольше, и на следующий год мы с тобой ещё лучше сыграем. Согласен?

— Попробуем, — ответил Василий Петрович. Посчитал, что ловко выкрутился: вроде бы и внуку пообещал бросить пить, и душой не покривил, поскольку в своём ответе имел в виду только балалайку. Про себя же добавил: «Как без питья-то?»

...Всё же слова внука возымели действие. Поубавил он питейные обороты, только не настолько, чтобы свой тракторный авторитет удержать. Всё чаще подводил бригадира, прощавшего ему многое и чуть не

пострадавшего из-за подчинённого, когда тот из кабины трактора на ходу выходить стал и свалился с движущихся гусениц. Чудом свой же трактор его не задавил, зацепил хорошо, клок мяса вырвав с его бедра. Обеденное время было. Жара к тому же. Обезлюдел двор мастерских. Лишь бригадир, только что переговоривший с подъехавшим Василием Петровичем, рядом с мотороллером возился. Увидел он движущуюся саму по себе махину, сообразил запрыгнуть в кабину и развернуть её буквально в нескольких метрах от будки слесарей. Заглушив трактор, тут же погрузил пострадавшего в свою мотороллерную тележку и в районную больницу отвёз к другу-хирургу, грех на душу взял, сказав, что тракториста прищемило сорвавшимся с домкрата блоком дизеля. Убедившись, что кости целы, попросил врача не поднимать шума и после перевязки привёз Василия Петровича домой, перепуганную Дарью Григорьевну успокоил, что ничего страшного не случилось, поранился лишь малость при ремонте.

На другой день раненко заехал он к протрезвевшему трактористу. Не стал ругать, только с укоризной головой покачал, поинтересовался самочувствием.

— Живой, — пытался улыбнуться Василий Петрович. — Я же весь проспиртован, никакое заражение не грозит.

— Хорошо, что жив остался

и на будку с людьми не наехал твой трактор. Иначе бы тебе в сырой земле лежать, а меня уж точно на тюремную баланду определили бы. Что с тобой случилось? Ведь минут за пять до этого с тобой говорил. Вроде бы с ног не валился, в разуме был...

— В кабине поллитровка лежала. Дожидалась, пока трактор на место поставлю. Не выдержал. Приложился как следует. Посидел, подождал, пока водка растечётся во мне. Трактор тронул да сразу же и тормознул его, чтобы ещё выпить. В голове закружилось, на сон потянуло. Подумал, выйду из сенец, где я обычно перед сном сижу, курну и спать отправлюсь. Встал, открыл дверь и шагнул, а трактор уже поехал... — Василий Петрович вытер полотенцем заслезившиеся глаза на морщинистом худом лице, покаялся: — Прости меня, Николай. В последний раз! Больше такое не повторится...

— Да не держу я на тебя зла, Петрович. Лишь бы обошлось всё по-хорошему. Надеюсь на это. Но сам понимаешь, нельзя тебя на пушечный выстрел к трактору подпускать...

— Исправлюсь я, Николай. Пить брошу. До пенсии только дай доработать. Осталось ведь всего ничего.

— Без работы не оставим. Подлечись сначала, после и обсудим, куда тебя устроить, — бригадир встал, увидел балалайку. — Новенькая?

— Из Москвы выписал.

— Вот и занимайся ею...

...Дарья Григорьевна с душевной теплотой подумала о тракторном бригадире. Сколько раз выручал он её мужа! И после того случая помог...

Как только поправился Василий Петрович, на люцерновое поле направил его бригадир, мотористом поливных установок определил. Воду с речки Ток принимал он по трубам в большую ёмкость, потом из этой ёмкости подавал её в нужном количестве на поливные установки. При поломках поливальщикам помогал ремонтировать технику. Три укоса люцерны за лето успевали сделать, вдосталь сена заготавливали.

Дарья Григорьевна радовалась за мужа:

— Наконец-то перестал пылью и солярой дышать. Главное, от спиртного почти отказался. Ещё бы курил поменьше...

— Как на курорте! — говорил Василий Петрович о своей новой работе. Всё чаще после ужина за балалайку брался.

Но не пришлось ему как следует поиграть. В конце сенокосного сезона почувствовал недомогание, рукой махнул. Потом сильную ломоту в теле ощутил, опять же не забеспокоился. Думал, временное это, пройдёт. При усилении боли на ночь, тайком от жены, снимал её водкой, благо несколько поллитровок, закопанных им в огородном смородиннике, сохранились. Помогало. В открытую стал спиртным лечиться.

— Три раза в день по три капли воды на стакан водки — и порядок! — пошучивая, расхваливал свой рецепт.

Так бы и дальше терпел и лечился, не случись в октябре, после окончания уборочных работ, принудительная отправка механизаторов на флюорографию. На этот раз, как лет пять тому назад, не отвертелся он. Со всеми поехал в райцентр, откуда с направлением в областную онкологическую больницу вернулся.

— Сказали, нужного врача нет, — успокаивал он растревожившуюся не на шутку жену. — Ничего страшного, прокачусь до города, проверюсь. Заодно к нашим зайду, гостинцев отвезу.

Не знал он о запущенной, неизлечимой уже болезни, поразившей его лёгкие...

...Хоронили его в богатом на снега декабре, под самый Новый год. Снежным и метельным выдался день похорон. Хорошо, приехавшему только утром Виктору сильно помог тракторный бригадир: бульдозером снег со двора убрал, дорогу до кладбища очистил, копальщиков могилы организовал. Сказал он прощальное слово и на кладбище, и после похорон в избе, где рядом с занавешенным зеркалом висела балалайка.

— Осиротела без тебя, — обратил на неё внимание. — Раноты ушёл, Василий Петрович, не доиграл...

...Дарья Григорьевна с трудом поднялась, под впечатлени-

ем воспоминаний потянулась к той самой балалайке, лежащей на кровати внука. Присев на стоявший рядом стул, здоровой рукой взяла балалайку, как и положено, за гриф, прижала к груди, к правой подмышке сдвинула. Пальцами правой руки, точнее, всей кистью попыталась ударить по струнам. Взмах руки получился вялым, прикосновение к струнам — не отрывистым, не резким, как должно быть, отчего и звучание вышло совершенно не музыкальным. Повторные её попытки ничего не изменили, лишь новые слёзы выжали:

— Бесполезно. Не слушается рука...

25

Насыщенным на воспоминания оказался этот февральский день долгой зимы и для Виктора Ярцева. Только короткими были эти воспоминания. Каких-то пару с половиной лет охватывали и касались сугубо производственных дел. Чаще всего они связывались с Кренделевым, для Виктора третьим по счёту заместителем директора завода по производству.

Раньше обычного собрался Виктор на работу, чтобы не опоздать на планёрку тепловозников, проводившуюся задолго до начала рабочего дня. Его присутствие на ней было необязательным. По обеспечению тепловозного производства собирались позже, но на этот раз сам Кренделев обязал

явиться. На заводскую развозку не успел. В маршрутном автобусе поехал.

«Опять что-то затевает», — подумал он о Кренделева, былое вспомнил.

...Кренделев отличался от предыдущих начальников Виктора работоспособностью, дерзостью на грани оправданного риска и нахрапистостью в производственных вопросах, что делало его самобытным руководителем. Но, как показалось Виктору, по своей натуре был человеком с ограниченным кругозором, не терпящим возражений до злопамятства, к тому же склонным к спиртному. Последнее по-своему оправдывал:

— На производстве как на войне. При штурме плана в решающие моменты без производственных ста граммов не обойтись.

Пил он редко, но запойно. Правда, угадывал снимать стресс только во время отсутствия на заводе директора, как правило, оставляющего вместо себя именно его, своего заместителя по производству, а не главного инженера. Тот пытался было восстановить статус-кво, заходил с осторожным доносом к директору, но, с ходу одёрнутый им, смирился с создавшимся положением, подумал, себе дороже будет: всё-таки тянет Кренделев план и — с одобрения директора — в инженерную службу с пользой для производства влезает.

К появлению директора на заводе, о чём Кренделев по своим

каналам уведомлялся первым, он приводил себя в порядок, успевал даже с утра пораньше пробежаться по цехам и провести расширенное производственное совещание с тщательным анализом недостатков в работе по каждой службе.

— Разнюнились, смотрю, без меня, сопли распустили, по всем позициям из графиков выбились, — в своей привычной развязной манере напускался на руководителей цехов и отделов, словно не он, а они пьянствовали несколько дней кряду. — Подотру вам носы, если не исправитесь. Вечером жду с отчётом. Всё, разбежались!

Выходили начальники из кабинета заместителя директора по производству, озадаченно головы чесали. Из-за своих производственных промашек приходилось им воспринимать кренделевскую агрессию и его питейную слабость как должное. Строптивые — и те сдерживались открыто выступить против него, во всём поддерживаемого директором завода. Некоторые, правда, подходили к Ярцеву, в заводской производственной иерархии второму после Кренделева, с предложениями собраться после работы и поговорить по душам с распоясывавшимся то и дело начальником. Виктор, сравнительно недавно возглавивший тепловозное производство, поневоле, в целях сохранения чести производственного мундира незапятнанной, уже не раз при-

крывавший начальника в запойные дни, не возражал, но инициаторы вскоре сами сняли своё предложение: нечего бодаться, сказали, работа, мол, такая, не для слабонервных. Не попрекнул их Виктор, не стал убеждать в необходимости такой встречи. Сам перед уходом с работы рассказал об этом Кренделеву.

— Пусть заходят, потолкуем. Не со зла, наверное, обидел, — неожиданно для Виктора изменился тот в лице, но тут же ухмылкой стёр эту мгновенную обеспокоенность. — Хотя стоп! Назови-ка мне этих жалобщиков, что по делу от меня схлопотали. Вернее, за безделье. Сам дойду до них, неблагодарных.

Кренделев поднялся с кресла, заходил по кабинету:

— Точно, неблагодарные. Верно говорят, хочешь врага нажать, сделай доброе дело. Не я ли в начальники их выводил, помогал во всём...

— Да не волнуйтесь, Алексей Фёдорович, — попытался остановить его Виктор, обрадованный замешательством начальника, но не пожелавший выдать свернувших на попятную подчинённых. — Слукавил я. Своё мнение таким образом выразил.

— Гляди-ка, какие они нежные! Тут же вам не институт благородных девиц... — продолжавший вышагивать Кренделев от услышанного резко остановился. — Слукавил, говоришь?

— Случился грех. Если впрямую: не смог по-другому свои

претензии выразить. А сказать надо было. Для пользы дела.

— А-а-а... Жить стало лучше, жить стало веселее! — нервно хохотнул Кренделев. — А я-то думаю, к чему клонишь. Теперь понятно. На моё место, значит, метишь. Бунт на корабле готовишь.

— Типун вам на язык.

— Готовишь, готовишь... Не зря же с другого завода к нам перевели с замдиректорской должности. В Главке, слышал, на хорошем счету.

— По семейным обстоятельствам переехал... Будут ещё вопросы?

— Ладно, — ухмыльнулся Кренделев. — Разберёмся с твоим мнением...

...И разобрался вскорости. Случилось это после совещания на директорском уровне по качеству выпускаемой продукции, на котором за посыпавшиеся на завод претензии от заказчиков был снят с должности руководитель заводской службы технического контроля, а Кренделеву было поручено подготовить проект приказа с наказанием виновных производственников. Кренделев, посоветовавшись с директором, незамедлительно вызвал к себе Ярцева, специалиста по подготовке приказов и распоряжений.

— Появилась хорошая возможность рассчитаться с тобой за твоё мнение обо мне и с твоими сообщниками, — без предисловий начал он, передал пришедшему к столу Ярцеву листок

бумаги со своими пометками. — Вот их фамилии. Надеюсь, никого не пропустил. По строгому выговору каждому впишешь. Себе же — снятие с должности.

Помолчал, наблюдая, как пунцовеет Ярцев, жестом усадил его, было привставшего, артистически метнул руку к потолку, где над ними на втором этаже находился кабинет директора:

— Согласовано!

— Какая мотивировка? — всё же поднялся Ярцев.

— Сам сочинишь. Не в том суть. Главное здесь — твой выбор. На освободившееся место начальника ОТК пойдёшь или производство запасных частей возглавишь?

— Но... но в таком случае не снятие получается, а перемещение, — с пунцового лица Ярцева стала заметно сходить краска. — Надо посмотреть...

— Вот и смотри, а я пройду по цехам, с твоими дружками встречу, строгачами обрадую. Вопросы есть?

— Есть, есть, — заторопился Ярцев. — А куда Назимова, если я на запчасти...

— Если ты согласен запчастями заняться, на тепловозы его двинем. Так называемую рокировку сделаем, — не дал договорить заспешивший Кренделев. — В листок мой глянь. Там всё прописано...

Виктора чувствительно толкнули:

— Уснул, что ли?

— Извините, — оторвался он от наплывших воспоминаний, приподнялся, выпустил сидевшего у окна бородача. — Какая остановка?

— «Авторемонтная».

Через остановку он вышел, быстрым шагом прошёлся по улице Наставнической до заводской проходной. В красном уголке ремонтно-сборочного цеха, где проводилась планёрка, становилось тесно от подходивших людей.

— Что за столпотворение? — присел Виктор к Назимову, раскладывающему на столе бумаги. — Похоже, за освоением новых запчастей не совсем я в курсе последних тепловозных дел.

— Директор с министерской делегацией за бугор уехал опыт перенимать. Считаю, до конца месяца. Кренделева за себя оставил. А план по всем швам трещит. С января, сам знаешь, без переходов вышли. Фёдорыч, естественно, рвёт и мечет. Утром стал на час раньше собирать, вечером держит допоздна, дополнительный автобус на развозку в моё распоряжение выделил. Расширенную планёрку вот решил провести. Со всех служб на тепловозы дельных мужиков собирает, а с инженерной — всех без исключения во главе с главным инженером, — начальник тепловозного производства охотно проинформировал своего предшественника о создавшейся ситуации.

— А я для чего понадобился?

— Тепловоз получишь. Будешь им заниматься до завершения ремонта.

— Неразумно. У меня же своих неотложных дел невпроворот!

— Это не ко мне. Кренделев распорядился в приказ включить... Кстати, вот и он. Рассаживаемся по своим местам.

Кренделев был верен себе. Не поздоровавшись и не извинившись за ранний сбор, что, по разумению Ярцева, надо было бы ему сделать, сразу же пошёл в наступление.

— Февраль к середине подкатил, а у нас лишь четыре тепловоза на выходе вместо двенадцати запланированных. Полнейший срыв! А вам хоть бы что! Ни один задницу свою не поднял с насиженного места и не пришёл ко мне, как к исполняющему обязанности директора завода, с предложением помочь. Наплевать, что план горит синим пламенем! — Кренделев отхлебнул воду из ёмкого стакана, возвысил голос: — Но я не потерплю такого наплевательства! С сегодняшнего дня объявляю чрезвычайное положение. Сейчас каждый из вас получит задание на оставшиеся февральские дни и немедленно приступит к исполнению. Зачитай, Ахмет Абдуллоевич, приказ и приложение к нему.

Пока Назимов зачитывал бумаги, Кренделев дважды приложился к стакану с водой.

«Трубы горят, — определил

Виктор похмельное состояние начальника, посочувствовал. — Не водой бы их ему гасить, да больно уж тревожное положение с ремонтом тепловозов, героически терпеть приходится до завершения планёрки».

— Вопросы будут? — спросил закончивший чтение Назимов.

— Никаких вопросов! — поднялся Кренделев, сразу же опустив несколько взметнувшихся было рук. — Я же сказал, немедленно к исполнению!

— В рабочем порядке порешаем, — несколько смягчил обстановку Назимов, заметивший недовольство некоторых присутствующих.

— А ты их не балуй, — тотчас одёрнул его Кренделев и своё любимое выражение употребил: — Здесь не институт благородных девиц! Требуй от всех по полной программе. Даю тебе полномочия полковника, который командует генералами. Контрольный отчёт в конце второй смены проведи. Дальше — по обстановке. Буфет и развозку организую лучшим образом. Если что, нерадивых и непослушных ко мне, или добро даю сразу же напрямую в распоряжение отдела кадров и на выход.

Всё же интуитивно смягчился и он:

— Впрочем, давайте без угроз и обид. Не в свой огород вас на сбор картошки пригласил, а план государственный выполнять. Негоже нам директора из Европы срывом плана встречать. Ещё не

всё потеряно. Сообща ещё можем с планом справиться. Есть возражения?

Возражающих не нашлось: кто же против выполнения плана?

— Тогда всё. Закончили планёрку, — Кренделев подозвал начальника литейного цеха и вместе с ним первым вышел из помещения.

Виктор взял у Назимова номер предназначенного для него тепловоза, кивнул в сторону дверей:

— Пошёл доспиртовываться.

— За пару дней управится, — понял его намёк Назимов. — Хорошо, что всех на выполнение плана зарядил. Умеет!

— Психолог! — согласился с ним Виктор, уже не впервые подумав о Кренделе: «Не такой он и плоский по натуре, каким вначале показался. Не пил бы — цены бы не было!»

26

Доставшийся Виктору тепловоз оказался старой серии, какие уже не выпускают. Оценив его состояние, он поспешил к Назимову.

— С комплектующими узлами проблема будет, новых деталей не наготовимся. Не успеем отремонтировать до конца месяца и другие задержим, — высказал своё беспокойство и предложил: — Давай отставим эту машину, следующую на план пустим.

— Нельзя отставлять! — Назимов был категоричен. — С декабря отставляем. То год спасали, то январь... Доотставлялись вот, заказчика дождались. На днях прикатил, шум поднял.

— Тут-то Кренделев про меня и вспомнил, дохлый тепловоз мне удружил?

— Точно. Самолично вчера красным фломастером в новый график и тепловоз этот, и твою фамилию вписал, — пооткровенничал Назимов. — Ухмыльнулся при этом: «Пусть только попробует не сдать!»

— Грозится — значит, уважает, — улыбнулся Виктор, умело скрыл от собеседника досаду от услышанного: всё же в глубине души надеялся на положительную перемену в Кренделе.

— Не уважает, а побаивается, — продолжал откровенничать Назимов. — Знает, что у тебя в Главке кореша есть и ты можешь в отличие от других, в том числе и меня, открыто высказывать своё мнение. Потому и не упустит нужный момент для нанесения удара. Сильно ударит, открыто, показательно для других.

— А ты, коллега, оказывается, тоже психолог! Поздравляю!

— Главное, при всём при этом никто и не подумает, что счёты сводит, — поощрённый похвалой, продолжал Назимов. — В декабре, к примеру, такая возможность ему представилась. Запчасти за год по номенклатуре не получались. Буквально в последние декабрь-

ские дни, в твоё отсутствие, поехал Кренделев по пунктам поставки, уладил всё чин чинарём. Возвратившись, на твою службу полкана спустил: «Оборзели совсем! Зажирели, как коты. Мышей перестали ловить! Из-за вашего безделья здоровье приходится терять. Сопьёшься того гляди. На сухую ведь не столкуешься...» Тебя, естественно, как начальника по запчастям при этом полоскал, обещал за ворота отправить.

— В первый раз слышу, — удивился Виктор. — Не то что разговора, намёка даже на эту тему не было.

— А что говорить-то, если вскоре выяснилось, что производственники здесь ни при чём. Сбытовик, кренделевский родственник, при отправке деталей всё напутал. И ничего ему, словно с гуся вода, — Назимов глянул на часы. — Отвлеклись мы, однако, от нашего дохлого тепловоза. Оживлять его придётся. Другого варианта нет. В случае чего обращай за помощью в любое время суток. Теперь мне дnevать и ночевать здесь до конца месяца придётся.

— Постараюсь не тревожить. Не забыл ещё тепловозные ходы и выходы. А ты подшефных своих, командированных Кренделевым, побольше гоняй.

— Вряд ли получится. Скорее, они, как в игре «Что? Где? Когда?», с вопросами за мной будут гоняться...

...Домой Виктор приехал ночной развозкой.

— Давненько так долго не задерживался, — встретила его встревоженная жена.

Он обнял её, пошутил:

— Заходил к одной, засиделся.

— Не нацеловался, что ли? Ко мне тянешься.

— Несладкая попалась...

— То-то, вижу, кислое у тебя лицо. Случилось что?

— Да ничего такого, Валь, кроме дополнительной работы, — Виктор не стал делиться своими производственными проблемами, прошёл в ванную, глянул в зеркало. — И вправду кис, — удивился своему задумчивому отражению, погрозил ему: — Я тебе! Отставить уныние, раз дохлый тепловоз отставить не удалось.

Он умылся, за чаем полистал свежие газеты, но всё не мог отключиться от событий прошедшего дня. «Да, задал мне Кренделев головоломку, голову сломаешь. Как специально для меня берёт этот тепловоз, ждал, когда к работе приступлю после деревни. Выждал подходящий момент и врезал», — невольно восхитился он Кренделевым. Вслух, уже в который раз за день, произнёс:

— Психолог!

— О ком ты? — спросила пришедшая на кухню жена, не дожидаясь ответа, о своём заговорила, деревенскими проблемами отвлекла Виктора от заводских,

словно клин клином вышибла. — Мама за избу сильно беспокоится. Может, съездишь на выходные, посмотришь? Отца заодно проведает.

— Съезжу. Только не сейчас...

Напоминание о родной деревне сослужило хорошую службу. Мысли о ней вытеснили из головы заводское, и Виктор незаметно уснул. Сон ему приснился.

...Десятилетним пацаном крутил он наждачный круг точильного станка. Точильщик Степан положил только что наточенную косу рядом с двумя другими, поскрипывающими на траве под лучами жаркого июньского солнца острыми лезвиями:

— Вовремя справились. Вон едут уже.

Шумно гроыхающий трактор с шипами на задних больших колёсах подтащил к ним три косилки и широкозахватные грабли. Пока тракторист заливал в радиатор воду, ребята постарше Витьки быстро сменили косы косилок на только что наточенные. Сам Витька крутился у граблей.

— Хочешь поработать? — предложил ему тракторист.

— А Шурик? — Витька показал на дружка-гребальщика. — Вдвоём ведь на сиденье не уместимся.

— Вместо тебя точило покрутит. Неровно траву кладёт: то раньше валок положит, то позже. Копнить несподручно. Может, у тебя лучше получится. Так как?

— Попробую! — как на крыльях взлетел Витька на сиденье, руками в полукруглую спинку вцепился, ноги у педального механизма поудобнее расставил.

Молодой ковыль на сено косили. Луговой и овражной травы негусто поднялось. На первом круге Витька особенно внимательно следил, как набирается трава под прутковые зубья граблей, то и дело поднимал их, не допуская излишнего накопления зелёной массы. На последующих кругах главным для него было уложить каждый очередной валок в одну линию с предыдущим. Ровными получались валки, что и требовалось.

Радовался он, о соседской девчонке вспомнил:

— Жаль, не видит. Ахнула бы от восхищения!

С радости забылся Витя, не нажал педаль на следующей линии. Набравшаяся трава, сама приподнимая зубья, стала клочками стлаться за граблями.

— Заснул, что ли? — закричал на него тракторист, заглушил мотор.

— Прости, дядя Фрол, — увидел свою промашку Витька. — Не будет больше такого!

— Какой я тебе Фрол? Спятил, что ли? — грозил ему кулаком Кренделев, плевался вовсю. — А ну слезай с граблей! Теплово иди ремонтируй. Не то...

...Не услышал Виктор угрозы Кренделева, проснулся, с минуты приходил в себя.

— Надо же, каков этот Кренделев! Даже снится начал, — погрузнел он, глянул на будильник, заведённый на пять утра. Подходило время ему зазвенеть.

Виктор встал, потихоньку собрался.

— Приходишь поздно, уходишь чуть свет, — проявила недовольство жена.

— Работа у меня, сама знаешь, не от и до. К тому же аврал!

— Иди уж, авральщик. Удачи тебе.

— Дай-то Бог справиться с делами. Тяжело движутся!

— Попросил бы Его о помощи. В это воскресенье — Сретение Господне. Давай сходим в церковь, свечи поставим, к Всевышнему с просьбами обратимся.

— Аврал же у меня.

— Никаких авралов! Грех в большой церковный праздник работать...

27

Настоятельное предложение жены, быть может, впервые заставило Виктора задуматься о церковном, Божеском.

...Его крестили дважды. При рождении, как и полагается, только в домашних деревенских условиях, повторно — уже по всем правилам, в городской церкви, вынужденно, можно сказать, когда в пять лет он сильно заболел. Помогло крещение, выздоровел. «Боженька тебе, сынок, здоровье дал!» — радовалась тогда мать, настоявшая на поездке

в церковь. Но и она не склоняла сына к молитвам. Время было атеистическое. На редких церквях били колокола, и то, можно сказать, со сдержанным звучанием и по большим праздникам.

После того церковного крещения Виктор в свои без малого сорок лет лишь дважды бывал в церкви. Первый раз в шестидесятые годы, когда с товарищами по студенчеству надумал на Пасху в один из ближайших к общежитию московских храмов пойти. Никак не ожидал, что таких же, как и он, пришедших к храму скорее из любопытства, чем по вере, к полуночи огромная толпа наберётся. Милицейское оцепление, организованное для пропуска на пасхальную службу пожилых людей, с трудом сдерживало её натиск. Милиции помогали дружинники с красными повязками. Виктора, потерявшего было всякую надежду пробиться вовнутрь и собравшегося уже отправиться домой, вдруг осенило. Он снял свой тонкий шарф с красными полосками по краям и середине, сложил его в повязку с красным верхом и намотал на рукав плаща. Присоединившись к дружинникам, выбрал нужный момент и, подхватив под руку бабулю с палкой, беспрепятственно прошёл с нею в двери. Его взору предстало просторное помещение, полное людей, с иконами на стенах, с расписным высоким сводом. В центре басил видный священник. Ему вторил слаженными голосами церковный хор...

Во второй раз в церковь Виктор попал совсем недавно. В прошлогодние крещенские праздники больная бабуля, жившая по соседству с Ярцевыми, попросила Виктора принести ей освящённой воды. Попросила с этой водой и на службе в церкви постоять. Не смог он отказать ей и для себя взял ёмкость. Уже за полночь с двумя трёхлитровыми банками воды, набранными на церковном дворе, вошёл в Никольский храм. Выстояв с полчаса, по его мнению, достаточные для исполнения бабулиной просьбы, направился к выходу.

— Ярцев, ты? — сразу же за церковными воротами подошёл к нему прогуливающийся с собакой, тепло укутанный пожилой мужчина. — С Крещением!

— И вас с праздником! — не узнал его Виктор, не решился осведомиться, с кем имеет дело. На всякий случай показал на сетку с банками: — Для соседской бабули водички вот набрал. Очень просила.

— И в церкви, вижу, погрелся. Припотел даже, — показал свою наблюдательность неожиданный собеседник, знакомо для Виктора рассмеялся. — Да ты не бойся, не сдам органам. Пусть беспартийный сам, но хорошо понимаю, что и партийные — люди, ничто человеческое им не чуждо.

— А ты, Евсеич, смотрю, и на пенсии не посерьёзнул, — Виктор признал в нём бывшего диспетчера транспортного цеха, известного

на заводе шутника и балагура. — Чего ради ночью с кобелём возле церкви шастаешь, людей пугаешь?

— Живу я здесь, — Евсеич показал на девятиэтажный дом, потом на собаку. — И Валет при мне. Такой индивидуалист, скажу тебе. Только ночью гуляет. Не желает, чтобы на него другие гавкали и тявкали.

Собаке надоело сидеть, потянула хозяина за поводок.

— Видишь, опять своё гнёт индивидуалист: хватит, мол, трепаться, — Евсеич не стал перечесть настырному Валету, чуть попрिдержал его, чтобы высказаться. — А ты, Вить, не особо-то рисуйся у церкви. Мало ли что у органов на уме по этому поводу. Ваш генсек, вчерашний чекист, крепко закручивает гайки. Глядишь, опять станут привлекать партийных за связь с церковью. Не забыл, наверное, как и в нашем городе одного начальника из партии исключили и с работы сняли только за то, что исполнил последнее желание матери отпеть её как раз вот в этой Никольской церкви?

— Как же можно такое забыть, — и заспешившему за своей собакой Евсеичу ответил Виктор, и себе напомнил о том давнем случае, когда, согласившись стать крёстным отцом для народившегося племянника, всё же не отважился пойти в церковь на его крещение.

С той крещенской ночи Виктор не был больше в Никольской

церкви. Наверняка и с женой бы не пошёл туда на Сретение Господне, если б опять не Кренделев. При критической ситуации с планом смог исполняющий обязанности директора завода до минимума сократить свой запой. Через два дня, как раздал задания, включился в производственный процесс, во всё профессионально вникал, всем занятым на ремонте тепловозов обороты прибавил. Ярцеву лишь не помогал, мол, «сам с усам, без няньки обойдётся», не раз даже тормозил рабочие процессы по его персональному тепловозу. То мостовой кран у ярцевской бригады в самые нужные для них моменты отбирал на другой тепловоз, то саму бригаду при маневровых перестановках надолго оставлял без работы. Не выдержал Ярцев, сам на Кренделева с претензиями вышел.

— Нечего пузыри пускать, воздух портить, — с ходу заземлил тот Ярцева. — Не один ты. У всех тепловозы. Всем нужны и краны, и своевременные манёвры.

— Но у меня же одного такая дохлая машина.

— Дохлая, говоришь, — усмехнулся Кренделев. — А ты какую хотел? На живую машину и не отрывал бы тебя от запчастей. Там тоже, сам понимаешь, не всё гладко. Кстати, опытного специалиста по мехобработке нашёл. С понедельника твоё место при мерит.

— Да вы, оказывается, шахматист! — стал наливаясь краской

Виктор. — Опять рокировку готовите? Намёк на место за воротами?

— Молодец! Хвалю за сообразительность. Но рокировку не я, сам готовить будешь, — засмеялся довольный найденным выражением Кренделев. — Справишься с дохлым, последним плановым тепловозом — и никакой рокировки.

— Точно?

— Слово даю...

С двойственным чувством уходил Виктор от Кренделева. С признанием, в который уж раз, его талантливого психологического воздействия на подчинённых и в то же время с полным непониманием причины создания им невыносимых условий для успешного ремонта включённого в февральский план дохлого тепловоза. «В чём же дело? — задал он вопрос себе. — Без пол-литра в этом не разобраться. А поскольку со спиртным, в отличие от Кренделева, я не в дружбе, придётся к Всевышнему за разъяснением обратиться».

Два дня до Сретения Господня занимался Виктор только своим тепловозом. Казалось бы, всё предусмотрел. Буквально через каждые полчаса ходил на участки смежных цехов, где комплектовались узлы и агрегаты, самолично контролировал изготовление недостающих деталей. Чтобы не зависеть от электроэнергии при частых непредвиденных манёврах, автономное

сварочное устройство в тепловоз погрузил.

В пятницу, на стыке смен, собрал всех задействованных на ремонте тепловоза, распределил на круглосуточную работу в три смены, рабочими из подведомственных цехов бригады усилил. В субботу с мастерами обсудил чуть ли не почасовой график ремонта тепловоза на все дни до конца месяца, отметил:

— Дел, сами видите, позарез. Надо бы и воскресенье использовать, но не стану настаивать. Православный праздник всё же.

— Молодец, начальник, что веру свою уважаешь, — сказал один из мастеров, родственник начальника тепловозного производства Назимова, тоже Назимов. — Не переживай, все выйдем, кому можно...

Допоздна пробыл Ярцев на заводе при своём тепловозе, но до полуночи успел домой приехать и даже ванну принять, Библию перед сном просмотреть.

Чистым и в чистом Виктор наутро в церковь с женой отправился. Свечки за упокой и во здравие родных и близких они поставили, к пришедшим на праздничную службу присоединились. Ему, атеистически воспитанному, командиру производства с уже солидным партийным стажем, вначале было довольно неуютно среди крестящихся и молящихся, но вскоре и он под воздействием незримой силы окунулся в эту непривычную для себя атмосферу. Слушая свя-

щенника, всматриваясь в иконы с изображением святых, он начинал приобщаться к церковному, а через церковное — к высшему: небесному, космическому. Стремился постигнуть влияние Всевышнего на земное, человеческое, в частности, на касающиеся его самого события этой зимы, показавшейся ему как никогда долгой, оценку своим действиям получить. Само собой, не забыл о просьбах, ради чего и явился в церковь, и впервые, обращаясь к Господу Богу, крестился и низко кланялся.

28

Последние февральские дни радовали Виктора. Прежде всего, тем, что успешно завершился ремонт прикрепленного к нему дохлого тепловоза. Такой успех, по его мнению, объяснялся не только результатом кропотливого труда, но и снизошедшей с Небес Божьей помощью.

...С первого же дня после посещения церкви стал он замечать положительные перемены. Утром с добрыми вестями его встретили Назимовы. Мастер ремонтников похвастался выполненной за воскресенье большой работой, позволяющей к другим, более масштабным, приступить. Начальник тепловозного производства не удержался, перед планёркой уже сообщил:

— Твой дохлый тепловоз на первую декаду марта переносится.

— Что так?

— Вчера утром обошли с Кренделевым все тепловозы. Состояние каждого проверили. Убедились: перспективы твоего тепловоза, мягко говоря, неважные. Вместо него крепкую машину из местного депо на план Кренделев пускает, под личный контроль берёт. Твой же на первую декаду марта переходит...

— Но в февральском графике остаётся, — продолжил Виктор.

— Формально только, чтобы не расслаблялся ты. В отчётном же для Главка документе твоего дохлого уже нет, — выложил Назимов все карты, добавив: — Только, сам понимаешь, между нами это всё.

— Само собой разумеется...

Несмотря на такую несколько успокаивающую информацию, Ярцев не сбавил ремонтных темпов, напротив, круглосуточной работой вписался в нормативный график и за неделю до конца месяца закончил сборку тепловоза. Осталось устранить замечания после его запуска, провести остатные испытания и обкатку.

— Невероятно, но очевидно! — оценил его работу Кренделев. — Теперь точно без рокировки не обойтись. Предлагаю с Назимовым вновь «сух не глядя».

— А куда же вашего специалиста по мехобработке?

— В заместителях у Назимова походит, пока следующая рокировка не подоспеет, — по-доброму улыбнулся Кренделев. — Скажем, при назначении Ярцева

вместо Кренделева. Хороший ход?

— Шутить изволите? — зарозовел Виктор, на этот раз от приятного. — Нет, не потянуть мне на вашем месте.

— Ещё как потянешь! — по-серьёзнул Кренделев. — Каково вот мне на директорском месте будет. Нашего босса в Главк главным инженером забирают, а меня вместо него сватают. Как думаешь? Только честно.

— Справитесь, если...

— С пьянством завяжу?

— ...Если захотите, хотел сказать. Хотя, согласен, и завязать не мешало бы...

29

Новоявленный март, наконец-то календарно возвестивший об окончании долгой для Ярцевых зимы, не оправдал тёплого названия. К исходу его первой недели солнце улыбнулось было по вешнему, но тут же быстро накатили на него густые облака, тотчас засорившие снежинками, и совсем некстати как раз под праздничное утро колко дохнул северный степняк.

Но праздник есть праздник, в особенности этот — Международный женский день. И Виктор с утра пораньше отправился на рынок за цветами. Выращенные в тепличных условиях, они томилась при зажжённых свечах в специальных стеклянных ящиках или, даже подмораживаясь, зябли во всяческих ёмких сумках и

коробках. Возле них приплясывали на чувствительном ветру торгаши, тоже тепличные, понаехавшие из южных краёв ради хорошего денежного навару. Виктор прошёлся по рядам, выбрал любимые женой белые розы.

К его возвращению Дарья Григорьевна уже бодрствовала, на кухне упражняла руку.

— С праздником, мать! — обнял он тещу. — Скорого выздоровления!

Подрезав стебельки роз и поместив их в приготовленную вазу, пошёл к жене, ещё нежившейся в постели.

— Поздравляю, милая! — поцеловал её. — Чего изволите на праздничный завтрак, несравненная моя?

— На ваше усмотрение, дорогой...

Виктором всё было продумано заранее — от застолья до поздравительных стихов и песен под баянный аккомпанемент сына. Как нельзя лучше получилось, по-семейному тепло, искренне.

— Спасибо тебе, Вить, за сегодняшней праздник, — поблагодарила Валентина мужа. — Маме очень понравилось. Давненько не видела её такой весёлой.

— И к балалайке, смотрю, потянулась. Послушнее стала рука.

— Да, заметно прибавила она в последнее время. Ходить, не держась за стены, пробует.

— Если так пойдёт, к лету можно её и в деревню отвезти.

— Какое там к лету! На Пасху домой собирается.

— Не рановато ли? В этом году Пасха ранняя, в середине апреля. До неё месяц, считай, остался.

— Не остановить её...

— Что ж, отвезём к Пасхе. К тому времени, Бог даст, ещё окрепнет.

— Отблагодарить надо бы Боженьку за помощь, икону в красный угол поставить.

— С иконой спешить не будем, — решительно возразил Виктор. — Мы ведь, при всём уважении к Всевышнему, всё же люди светские. Не поймёт нас окружение. Тем более партийное начальство. А вот в церковь сходим свечки Ему поставить... Всё больше верю, что без Него бы и мой дохлый тепловоз не сдался в феврале, и с Кренделевым отношения не наладились...

О многом из последних заводских событий поведал Виктор жене, чего раньше не случалось. Естественно, не сказал только о Марине, после церковного обращения к Всевышнему переставшей наконец-то при встречах и на совещаниях по производственным вопросам тревожить его своей красотой.

30

Недолго держались мартовские холода. Со второй половины месяца резко потеплело.

Всё больше стояла Дарья Григорьевна у окна, наблюдая за

весенней, с каждым днём скудеющей снегом улицей. В последнюю субботу марта не выдержала, дождавшись зятя с работы, с ходу атаковала:

— Вишь, как снег тает. Избу талой водой вот-вот зальёт. Ехать надо!

— Не зальёт, — был готов к её наступлению Виктор. — В деревню сегодня звонил, через почту связался с Маришкиным. И с крыши сбросит он снег, и от дома откинет. Проследит, словом, за домом.

— Самой мне туда надо, — прослезилась она. — Невтерпёж уже! Сколько можно без родной избы? Ехать надо!

— Всё, всё, сдаюсь! — кверху поднял руки Виктор. — Поедем сразу же, как только половодье схлынет и грязи не станет. К майским праздникам обязательно в деревне будем.

— До Пасхи надо ехать, — настаивала Дарья Григорьевна. — Ранняя она в этом году, значит, и земля быстро просохнет, хоть редиску сажай. Зачем тянуть с отъездом, когда и сама я здоровьем подправилась, за собой ухаживать смогу.

— Не мешало бы ещё малость...

— Гляди! — не дала она ему договорить, шагнула к порогу, отодвинув запорную задвижку непослушной ранее рукой, открыла дверь и вновь захлопнула. — Видал? К Пасхе и поедем!

— Решено. К Пасхе и поедем, — опередила мужа Валентина,

с улыбкой наблюдавшая за их схваткой, подняла подрагивающую руку матери. — Молодец, мама! Победила! Дай же побеждённому хотя бы раздеться...

За два дня до пасхального праздника и собрались они в деревню. Утренним поездом поехали. Опять же Дарья Григорьевна настояла, доводы веские привела, отказавшись от предложенной зятем той же «Волги», на которой в город её привезли.

— По железной дороге хочу прокатиться. Может, больше и не придётся, — сказала она дочери. — Молодые годы вспомню, когда Вася мой на заработки в шахтёрский посёлок Ангрэн, что под Ташкентом, ездил, меня с тобой, пятилетней, брал.

Виктора по времени не устраивал такой вариант, но не стал он перечить теще, выпросил у Кренделева несколько дней. Не пожалел денег, в купейный вагон билеты купил, хотя ехать было всего-то пять с половиной часов. «Пусть с комфортом едет, — решил он. — Как бы в последние дни ни хорохорилась, всё же она очень больная женщина, перенёсшая сильнейший инсульт». Но Дарья Григорьевна на удивление продолжала хорохориться и в купе. Устроившись у окна, живо интересовалась увиденным, подмечала в проплывающем за мутноватым стеклом ландшафте сходства с известными ей с детства деревенскими природными достопримечательностями.

— Смотрите, смотрите, — показывала она на гору, — точь-в-точь как наш Красный бугор, побольше только. Надо же! А вон тот овраг с крутым склоном тоже похож на наш деревенский, что до Казённого пруда тянется, — через некоторое время вновь отрывала своих попутчиков от кроссворда, отдельно к зятю обращалась: — Видишь, даже в овраге нет снега. Про другие места и говорить нечего. Машина вон едет, пылит всю. А ты говорил, к маю только грязь высохнет...

В середине пути на большой станции их вагон остановился как раз у входа в здание вокзала.

— Со-ро-чин-ская, — по словам прочитала Дарья Григорьевна. — Что-то знакомое.

— Город Сорочинск, — под сказала Валентина. — Наши родственники здесь живут. Прокофьевы. Вспомнила?

— Знаю. Здесь ещё и деда Фрола родня. Летом к нему приезжали.

— Может, сойдём? Минут десять ещё поезд стоит. Погостим и в церковь на Пасху сходим, — неудачно пошутил Виктор, разволновал тещу.

— Ни в коем случае! Только домой! — всерьёз приняла она слова зятя, осерчала даже на него, прикрикнула: — Ишь чего удумал! Погостить ему захотелось, когда изба зажалась.

— Да пошутил я, — не ожидавший такой реакции Виктор испугался даже за тещу: вдрут

на здоровье отразится; искренне попросил: — Прости уж.

— Простим на первый раз, — за мать поспешила ответить Валентина, обняла её, с укором глянув на мужа, с трудом сдержалась от упрёка. — Пусть без меня кроссворд свой доотгадывает, а мы давай тихонечко песенку твою любимую споём.

— И я вам подпою, — присоединился к ним Виктор, довольный тем, что с лица тещи быстро улетучились тревожные тучки...

Через полчаса поезд домчал их до следующей станции.

— Тоцкая, — по танкам, которые грузили военные на платформы, определил Виктор. — В окрестностях этого райцентра атомную бомбу испытали.

— Видела, как её сбросили, — вспомнила Дарья Григорьевна тот сентябрь пятьдесят четвёртого года. — На огороде мы с Васей были. Посмотрели на большой чёрный гриб и продолжили копать картошку. «Военные лагеря там, — сказал Вася. — Учения проводят». В эти Тоцкие лагеря попозже его самого забрали на какую-то переподготовку, в жару в сапогах, в полном солдатском одеянии бегать. Там-то, может, и рак он прихватил...

Растревожила себя воспоминаниями, всплакнула:

— Живи он, и меня бы не парализовало...

До выхода на своей станции всё печалилась. В автобусе, увидев земляков, повеселела. Руки им жала, расспрашивала обо

всём, о своей городской жизни рассказывала. Наговорившись вдосталь, когда подъезжали к родной деревне, к окошку прильнула, с радостью стала оглядывать знакомые степные просторы.

С пригорка, где они вышли возле водонапорной башни, хорошо просматривалась улица её детства.

— Вот и приехала, — прошептала Дарья Григорьевна, не смахнула покотившиеся по щекам слезинки. — Слава Богу!

— С приездом! — подошли к ним поджидавшие в машине Маришкины. — Как доехали?

— Домой ехать лучше, чем уезжать, — Дарья Григорьевна обняла сестру и первым делом поинтересовалась у старшего зятя: — Как изба?

— Протопленная, в целости и сохранности дожидается хозяйку, — ответил тот. — Садитесь в машину. Довезу.

— Нет уж. Пешком до неё дойду, — отказалась Дарья Григорьевна. — Пусть видит: не калека я, за собой и за ней приглядеть смогу.

Напрасно уговаривали её. Настырность она проявила и на этот раз. Не без труда, но сама, опираясь на палку, прошла по накатанной уже дороге до поворота к проулку, откуда хорошо была видна её саманная, обшитая досками изба под железной крышей.

— Ну, здравствуй, родная!

Спасибо, что дождалась хозяйку! — концом платка вытерла вновь выступившие слёзы и на удивление быстрым шагом одолела оставшуюся до дома сотню метров. Сама толкнула скрипнувшую калитку.

— За долгую зиму петли заржавели, — определила с ходу, наказала Виктору: — Возьми маслёнку в мазанке, на ларе она, смажь их.

Прежде чем войти в избу, Дарья Григорьевна по-хозяйски прошлась по двору, ещё кучу заданий надавала зятю: от замены двух с отколами шиферных листов на крыше сарая до вырубки разросшихся вдоль забора кленков.

С дороги, после скромного, на скорую руку, застолья, Ярцевы решили отдохнуть. Но не тут-то было. Часа не прошло, как подняла их Дарья Григорьевна.

— Сегодня двор уберём, завтра огородом займёмся. Уже можно копать. Ходила смотреть, сухо там.

— Полежала бы с дороги и нам дала немного повалиться, — пожалела её Валентина. — Не пожар ведь. Успеется.

— Ночью належимся. А днём работать надо. Весенний день год кормит.

— Молодец, мать, — поддержал тещу Виктор. — Командуй как следует. После долгой для нас зимы в охотку поработаем на родной земле, баньку справим, чистыми душой и телом встретим Светлое Христово Воскресение.